

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ О ПРОИСХОЖДЕНІИ РАСКОЛА.

Есть мысль, и она высказывается даже печатно, будто кто бы ни совершалъ въ половинѣ XVII-го вѣка основательное преобразование обрядовъ, Никонъ ли, или Иоакимъ, расколъ *долженъ* былъ явиться, какъ безобразный, сгнившій трупъ, или плевелы при вѣяніи пшеницы (1). Кто же послѣ этого былъ виною появленія раскола? Очевидно, никто. При такомъ взглядѣ на расколъ, онъ — горькая необходимость, неизбежное зло. Мы далеки отъ такого взгляда на расколъ и думаемъ, что какъ ни много было въ XV и XVI вѣкахъ задатковъ для раскола въ будущемъ, онъ только *могъ* явиться въ XVII вѣкѣ при благопріятныхъ этому условіяхъ, но *могъ и не явиться*, если бы обстоятельства этого времени и особенно обстоятельства патриаршества Никонова были иныя, чѣмъ какъ это случилось на самомъ дѣлѣ. Не смотря на множество обстоятельствъ, содѣйствовавшихъ появленію, или точнѣе, *развитію* раскола, начало которыхъ скрывается въ вѣкахъ XV и XVI, онъ все-таки произведеніе собственно XVII вѣка, и именно тѣхъ лицъ, при которыхъ явился, и той обстановки, среди которой возникъ. Высказывая эту мысль, мы понимаемъ расколъ не какъ совокупность

(1) Истор. Русск. Церкв. Филар. IV, стр. 180.

извѣстныхъ обрядовыхъ погрѣшностей, — онѣ были прежде XVII вѣка, могли существовать и послѣ, если бы и не было раскола, — но какъ противленіе Церкви и рѣшительное отдѣленіе отъ нея извѣстнаго бѣльшаго или меньшаго числа вѣрующихъ, совершившееся изъ-за нѣкоторыхъ обрядовыхъ разностей. А при такомъ взглядѣ на расколъ и его происхожденіе, естественно возникаетъ вопросъ: на кого же падаетъ вина появленія его именно въ началѣ второй половины XVII вѣка?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ — многое множество и еще больше разнорѣчія между ними. Каждый рѣшалъ вопросъ съ своей точки зрѣнія, отъ того нерѣдко правый у одного дѣлался безотвѣтно виновнымъ подъ перомъ другаго. Раскольники, какъ и слѣдовало ожидать, винили и випять во всемъ па. Никона и его единомышленниковъ; православные, въ противодѣйствіе раскольникамъ, обвиняли и обвиняютъ первыхъ вождей раскола, оправдывая Никона и его сотрудниковъ. Это — отвѣты общіе, но они развѣтвляются на множество другихъ, болѣе частныхъ и потому болѣе опредѣленныхъ. Который же изъ указанныхъ отвѣтовъ справедливъ? По нашему мнѣнію, безусловно — ни тотъ, ни другой, хотя въ каждомъ есть своя доля правды.

Мы не будемъ останавливаться долго на томъ обвиненіи, дѣлаемомъ Никону *раскольниками*, будто бы онъ 1) безъ нужды предпринялъ трудъ исправленія богослужебныхъ книгъ и 2) будто бы при выполненіи своего труда поступалъ не только *недобросовѣстно*, но даже *зломальренно*. Не приводя многихъ и многихъ свидѣтельствъ въ доказательство того, что наши древнія до-никоповскія книги были наполнены разнаго рода погрѣшностями и требовали исправленія, которое и совершалось въ разное время и разными лицами до п. Юсифа включительно, мы укажемъ

только на свидѣтельство объ этомъ предметѣ Іосифовской Кормчей. «Воззри, православный читатель, говорится въ этой Кормчей, аще не лѣностенъ еси, обрящещи ли гдѣ правѣ списанную безъ всякаго порока въ церквахъ святыхъ книгу? Обрящещи ли чинъ и послѣдствіе по законенному святыхъ и богоносныхъ отецъ взаконенію? Но вѣмъ, яко неудобь обрѣсти можещи, не точію въ соборныхъ градскихъ церквахъ, но ниже въ епископіяхъ, паче же ниже въ монастырѣхъ. Виждь убо, аще не плача достойна суть сія окаянная времена наша, въ пяже, увы, достигохомъ» (1). Для человѣка непредубѣжденнаго однихъ этихъ словъ достаточно, чтобы видѣть, на сколько справедливы увѣренія раскольниковъ, будто бы наши старыя книги были исправлены еще прежде Никона препод. Максимомъ Грекомъ и другими «святими и великоучеными мужами.» Если же мы обратимъ вниманіе еще на то, что печатаніе Кормчей, свидѣтельство которой мы привели, началось въ *послѣдніе годы* жизни п. Іосифа и кончено уже при Никонѣ, впрочемъ въ ту пору его дѣятельности пастырской, когда, по сознанію самихъ раскольниковъ, онъ былъ еще православенъ, — что совершалось печатаніе Кормчей трудами и подъ надзоромъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя послѣ съ такою силою вооружались противъ исправленій п. Никона, — разумѣемъ справщиковъ при п. Іосифѣ: Аввакума, Лазаря, Никиту, діакона Θεодора и другихъ; то поймемъ, какая несправедливость со стороны раскольниковъ — утверждать, будто бы Никонъ началъ исправленіе книгъ *безъ шужды*, а съ злымъ умысломъ.

Не болѣе справедливъ и тотъ упрекъ раскольниковъ, дѣлаемый Никону, будто бы онъ, начавъ исправленіе

(1) Полн. Ист. Изв. Прот. Іоаннова стр. 60, изд. 1799 г.

книгъ, вель это дѣло недобросовѣстно и даже злонамѣренно, — старался при исправленіи объ одномъ, лишь бы испортить истинную вѣру. Странное дѣло! Никону, родившемуся и воспитанному въ православіи, мужу высокой добродѣтели, неподражаемыхъ подвиговъ жизни аскетической, пламенной любви къ Вѣрѣ и Церкви (1), чело-вѣку ума необыкновеннаго, образованія высокаго, вдругъ ни съ того, ни съ сего пришла охота портить книги, извращать Вѣру, губить еретичествомъ церковь. Не правда ли, подобная пере-мѣна больше, чѣмъ необъяснима? Раскольники хотятъ объяснить ее вліяніемъ Арсенія Грека, по сказанію раскольниковъ, еретика, чело-вѣка самой дурной жизни, трижды отступавшаго отъ православія. Но если бы и дѣйствительно Арсеній былъ таковъ, какимъ изображаютъ его раскольники, вліяніе его на Никона не могло имѣть никакихъ худыхъ слѣдствій для религіозныхъ убѣжденій Патріарха; потому что этого вліянія не было на самомъ дѣлѣ, да и не могло быть. Если Никонъ взыска-лъ Арсенія своимъ вниманіемъ и вызвалъ его изъ Со-ловецкаго монастыря для наблюденія за исправленіемъ книгъ, это значить только, что Арсеній былъ признанъ Никономъ чело-вѣкомъ способнымъ для этого дѣла, какъ знатокъ греческаго и славянскаго языковъ. Предполагать что либо большее въ этомъ случаѣ было бы несправедливо. Притомъ еще прежде, чѣмъ Никонъ узналъ Арсе-нія, — не только прежде вызова его въ Москву, — онъ уже вводилъ въ новгородскую церковь многое такое, что послѣ признано раскольниками ересью (2). А послѣ этого считать Арсенія виновникомъ мнимыхъ заблужденій Патрі-

(1) См. объ этомъ въ «Трудахъ Кіевской Академіи» кн. 2, статья о Никонѣ.

(2) Напр. партесное пѣніе.

арха — больше, чѣмъ несправедливо. Несправедливо также видѣть въ Арсеніѣ причину и тѣхъ мнимыхъ «новшествъ», какія будто бы появились въ книгахъ, изданныхъ при Никонѣ. Не говоря уже о томъ, что неправоулавіе Арсенія (если бы и допустить его) при переводѣ и исправленіи имъ книгъ могло и должно было встрѣчать противодѣйствіе въ другихъ справщикахъ, истинно православныхъ и благочестивыхъ, напр. въ Епифаніѣ Славеничкомъ, Дамаскинѣ и под., не станемъ забывать того, что дѣйствія всѣхъ ихъ вообще контролировались самимъ Никономъ и другими русскими архіереями—на соборахъ,—злоупотребленіе не могло укрыться, если бы оно и было ⁽¹⁾. Обвинять же Никона въ томъ, будто онъ, при исправленіи книгъ, «едино точію въ разумѣ имѣлъ — древнее отеческое благочестіе истребити, а инославное *римское* нечестіе утвердити» значитъ не знать или забывать, что Никонъ вооружался напр. противъ иностраннаго платья, музыки и под., называя все это обычаями *латинскими*, что онъ, при принятіи въ Церковь православную уніатскихъ священниковъ, повелѣвалъ имъ «римское и латинское недугованіе проклинати» ⁽²⁾, что наконецъ въ числѣ причинъ, по которымъ онъ былъ осужденъ и лишенъ патріаршества, поставлено было между прочимъ то, что Никонъ въ письмахъ своихъ къ восточнымъ патріархамъ называлъ Алексѣя Михайловича *латинствующимъ*, а церковь русскую — преклонившеюся къ *латинскимъ* догма-

(1) Подробное опроверженіе клеветъ раскольниковскихъ на Арсенія см. въ Твор. Св. Отц. 1860 г., кн. 2, стр. 300 — 310. Здѣсь же находится опроверженіе клеветъ раскольниковскихъ и на п. Никона.

(2) Грам. Ник. о. Каллисту, игумену Марковскому, на намѣстничество Полоцкое и Витебское, данн. 1656 г., Март. 13 дня, въ др. Р. Вивлїое. ч. III, стр. 306. 1788.

тамъ (1). Что же касается вообще дѣйствій Никона при исправленіи книгъ, то нельзя не сознаться, что имъ приняты были всѣ мѣры для успѣшнаго исполненія этого важнаго дѣла, и притомъ мѣры тѣ самыя, какія употребляла для этого дѣла церковь и прежде него.

Такъ изъ практики древней церкви видно, что исправленіе богослужебныхъ книгъ по преимуществу совершалось людьми образованными, обладавшими достаточными свѣдѣніями въ наукахъ, какія были извѣстны въ ту пору, и особенно людьми знакомыми съ языкомъ греческимъ. Главные труды по этому дѣлу несли сами пастыри церкви, безъ всякаго сомнѣнія, мужи просвѣщеннѣйшіе между современниками, а за ними лица, нарочито избиравшіяся для этой цѣли, каковы были напр. препод. Максимъ Грекъ, образованнѣйшій человекъ своего времени, троицкій архимандритъ Діонисій и др., на западѣ—ученыя братства. На такихъ же людей возложилъ дѣло книжнаго исправленія и п. Никонъ. Епифаній Славеницкій, Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій, Іаковъ «черный попъ, по прозванію философъ,» Арсеній Грекъ, архимандритъ Аѳонскій Діонисій,—вотъ имена тѣхъ ученыхъ мужей, которымъ п. Никонъ поручилъ великое дѣло исправленія и перевода книгъ. Обо всѣхъ ихъ справедливо можно сказать, что это были люди «божественнаго Писанія вѣдущіе и еллинскаго языка навичные, и съ еллинскаго языка на славенскую рѣчь перевести умѣющіе, и латинскую рѣчь достаточно знающіе» (2). Далѣе: издревле исправленіе богослужебныхъ книгъ нашихъ совершалось по древлеписменнымъ книгамъ славянскимъ и по греческимъ

(1) Древн. Р. Вивліое. ч. III, стр. 406.

(2) Полн. Собр. Зак. т. I, № 7; Ист. о Раск. Игн. 178.

подлинникамъ. Максимъ Грекъ исправлялъ наши книги по греческимъ подлинникамъ ⁽¹⁾; при первыхъ патриархахъ исправленіе книгъ совершалось по древлеписьменнымъ и древлепечатнымъ книгамъ славянскимъ ⁽²⁾. Въ періодъ между-патріаршества опять при исправленіи книгъ сочли необходимымъ обратиться къ греческимъ подлинникамъ ⁽³⁾. П. Филаретъ рѣшился исключить изъ нашихъ требниковъ слово «и огнемъ» потому, что въ греческихъ подлинникахъ «ни въ которыхъ книгахъ тоя рѣчи» не было, какъ удостовѣряли его въ этомъ восточные патриархи ⁽⁴⁾. При п. Иосифѣ, столько уважаемомъ раскольниками, книги печатались хотя только «съ прежнихъ переводовъ» славянскихъ, но при сознаніи исправителями необходимости и въ книгахъ греческихъ ⁽⁵⁾. Точно также поступали въ этомъ случаѣ и въ нашей западной церкви. Чаще руководствовались при изданіи книгъ славянскими древними, но иногда появлялись книги, исправленные «съ еллинскими истинными изводы» ⁽⁶⁾. Патриархъ Никонъ ни на шагъ не отступилъ въ этомъ случаѣ отъ примѣра своихъ предшественниковъ. Всѣмъ извѣстно, какъ послѣ соборнаго рѣшенія, признаващаго нужду въ исправленіи книгъ, и по совѣщаніи съ царемъ, онъ отправилъ нарочитыхъ лицъ для собранія въ Москву древлеписьменныхъ славянскихъ книгъ изъ всѣхъ болѣе знаменитыхъ нашихъ монастырей, а потомъ, не удовольствовавшись книгами славянскими, послалъ Арсенія Суханова на Востокъ, чтобы онъ, не

(1) Иоаннов. стр. 34—5.

(2) Ист. Р. Р. 119—120.

(3) Чтен. Моск. Ист. общ. 1848 г. № 8, 1, 4.

(4) Ист. о Раск. пр. Игн. стр. 135.

(5) Въ послѣсловіи къ Шестодневу 1651 г. сказано: «съ прежнихъ переводовъ печатахомъ, а греческиихъ еще не видѣхомъ.»

(6) Ист. Р. Церк. Филар. IV, стр. 102.

шадя никакихъ издержекъ, старался пріобрѣсть тамъ греческія рукописи. По этимъ-то собраннымъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи и Востока книгамъ славянскимъ и греческимъ, изъ которыхъ однѣ принадлежали знаменитѣйшимъ нашимъ святителямъ и угодникамъ, другія писаны были за 500, 600, 700 и даже 1000 лѣтъ прежде, патріархъ Никонъ рѣшился производить исправленіе нашихъ богослужебныхъ книгъ.

Наконецъ, въ древней русской церкви до Никона исправленіе книгъ совершалось большею частію соборно, не единолично, и такой порядокъ вещей считался болѣе надежнымъ и успѣшнымъ. Еще стоглавый соборъ, въ слѣдствіе жалобъ царя Іоанна Васильевича Грознаго на неисправность тогдашнихъ книгъ, постановилъ: протоіерьямъ и старшимъ священникамъ въ каждомъ городѣ по всѣмъ церквамъ осматривать священныя и церковныя книги; и если найдутся книги неправильныя и съ описями, то такія книги исправлять *соборно* по лучшимъ спискамъ ⁽¹⁾. Потомъ предъ патріаршествомъ Филарета занималось исправленіемъ книгъ цѣлое общество лицъ духовныхъ, во главѣ котораго стоялъ троицкій архимандритъ Діонисій, а при п. Іосифѣ—общество извѣстныхъ справщиковъ: Аввакума, Лазаря и другихъ, подъ начальствомъ князя Львова. Подобныя же общества, или точнѣе братства, занимались исправленіемъ книгъ въ Кіевѣ, особенно при Петрѣ Могилѣ, во Львовѣ, въ Острогѣ и др. мѣстахъ Запада ⁽²⁾. Мало того: исправители книгъ до п. Никона сознавали и постоянно высказывали въ своихъ изданіяхъ ту мысль, что исправлять книги всего лучше

⁽¹⁾ Гл. 27.

⁽²⁾ Ист. Р. Церк. IV, 101—103.

соборомъ всей русской церкви, по совѣту и согласію съ церковію греческою, отъ которой и заимствованы наши церковно-богослужебныя книги. Въ тріоди постной 1589 г., изданной при первомъ нашемъ патріархѣ Іовѣ, говорится: «аще что кому въ ней помнится непотребно; и вы Бога ради сами исправляйте съ *совѣтомъ освященнаго собора*, елико васъ свыше наставитъ святой Параклитъ.» Эта же мысль повторяется почти во всѣхъ книгахъ, изданныхъ и при п. Іосифѣ: въ Сборникѣ, напечатанномъ въ 1642 г. (на л. 169), въ Прологѣ 1643 г., въ Апостолѣ 1649 г. и другихъ ⁽¹⁾. Вотъ что сказано въ предисловіи послѣдней книги, напечатанной за три года до патріаршества Никонова: «васъ о богособранная чета! православія отецъ и братію освященныхъ, и причетъ паче же и простыхъ, и всѣхъ въ благочестіи преспѣвающихъ, писанія догматѣхъ прилѣжащихъ; мы грубіи... со усердіемъ молимъ прощенія просяще... елико вникнувъ обращете въ сей книзѣ погрѣшительная за недовѣдніе наше... *по совѣту соборныя церкви* исправите недокончанная или погрѣшенная въ разумѣ.» Точно также смотрѣли на этотъ предметъ и въ южно-русской церкви. Въ предисловіи къ требнику Львовскаго изданія 1645 г. ⁽²⁾, Арсеній, еп. львовскій говорилъ: «что касается корректуры и исправленія типографскаго или литеральнаго (т. е. чтобы вмѣсто *а* не стояло *жс*, вмѣсто *б*—*щ*, вмѣсто *далг*—*билг* и пр.), то оно тщательно было замѣчаемо и обыкновенно исправляемо. Что же касается новопоявляющихся, всегда различныхъ въ текстѣ и смыслѣ, корректуръ и исправлений, которыя дѣлаются въ другихъ типографіяхъ, то мы

⁽¹⁾ Юанн. полн. Ист. изв. 54—56.

⁽²⁾ Обзор. Славянорусс. бібліограф. Сахарова № 438.

оставили эту сторону въ покоѣ, надѣясь, что при удобномъ случаѣ (что дай Богъ!) за *общимъ* и неослабнымъ стараніемъ архіереевъ православной россійской церкви, станетъ у насъ какъ одна достаточная и неотмѣнная корректура книгъ переведенныхъ, такъ и переводъ книгъ, еще не бывшихъ на нашемъ славянскомъ языкѣ.» (1). Что же касается до участія церкви греческой въ исправленіи нашихъ книгъ, то за нимъ обращались на Востокъ постоянно. На Западѣ еще въ концѣ XVI вѣка епископъ львовскій Гедeonъ, которому брестъ-литовскій соборъ поручилъ заняться исправленіемъ Требника, обращался за помощію къ Мелетію, александрійскому патріарху, управлявшему тогда и константинопольскимъ престоломъ; «извѣщая его о разности и неисправности славянскихъ книгъ», Гедeonъ просилъ восточнаго патріарха прислать ему греческій Евхологій (2). Патріархъ Филаретъ, какъ мы уже замѣчали, по случаю возникшихъ недоумѣній на счетъ слова «и огнемъ», обращался за совѣтомъ къ восточнымъ святителямъ и только съ ихъ согласія повелѣлъ епископамъ и начальникамъ монастырей замарать это слово, а равно и сдѣланную на полѣ замѣтку: «быти сему глаголанію до соборнаго указу» (3). Наконецъ самъ п. Юсифъ, послѣ того, какъ замѣчено было ему іерусалимскимъ патріархомъ Паисіемъ о разныхъ нововведеніяхъ, вкравшихся въ нашу церковь, рѣшился приступить къ исправленію поврежденныхъ чиновъ и обычаевъ не иначе, какъ по предварительномъ изученіи чиновъ церкви восточно-пра-

(1) Руков. для Сельск. Паст., 1860 г., № 17, стр. 462.

(2) Ист. Р. Церк. Фил. IV, стр. 101; Москвитин. 1844 г. № 8, стр. 406—407.

(3) Чтен. Моск. Ист. Общ. 1848 г., № 8, 1, 18.

вославленной. Для чего и отправленъ былъ на Востокъ извѣстный Арсеній Сухановъ. По примѣру своихъ предшественниковъ и п. Никонъ, рѣшившись на исправленіе книгъ, совершалъ это дѣло не иначе, какъ соборнѣ,—совѣтомъ не только пастырей русской церкви, но и восточныхъ патріарховъ. Еще прежде исправленія созванъ былъ царемъ, по мысли Никона, въ 1654 г. соборъ въ Москвѣ, на которомъ, подъ предсѣдательствомъ самого царя и патріарха, присутствовали пять митрополитовъ, четыре архіепископа, одинъ епископъ, почетнѣйшій клиръ и царскій синклитъ. Послѣ того, какъ соборъ призналъ и опредѣлилъ, что «достойно и праведно исправлять» новыя печатныя (нынѣ старопечатныя—раскольниковскія) въ Москвѣ книги «противу старыхъ харатейныхъ и греческихъ,» Никонъ, вмѣстѣ съ благочестивымъ царемъ, «умысливъ, да не едина ихъ воля, но да и совѣтъ вселенскихъ патріарховъ опыхъ книгъ о исправленіи будетъ,» обратились за совѣтомъ къ восточнымъ святителямъ, и соборъ, составившійся по этому случаю въ Константинополь, подъ предсѣдательствомъ Паисія, вполне одобрилъ рѣшеніе московскаго собора. По собраніи древлеписанныхъ славянскихъ и греческихъ книгъ, по желанію Никона и съ согласія царя, составился (1655 г.) въ Москвѣ второй соборъ, замѣчательный особенно потому, что на немъ, кромѣ нашего первосвятителя, съ митрополитами, архіепископами, епископами и знатнѣйшимъ духовенствомъ, присутствовали еще два восточныхъ патріарха—антіохійскій Макарій и сербскій Гавріиль. Такъ какъ отцы собора «обрѣтоша древнія греческія» книги «съ ветхими славенскими книгами во всемъ согласующася, въ новыхъ же московскихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славенскими древними многая несогласія и

погрѣшенія,» то и опредѣлили — поступать такъ, какъ опредѣлили прежніе соборы—московскій 1654 г. и послѣдовавшій за нимъ константинопольскій; и, чтобы показать примѣръ другимъ, сами немедленно занялись исправленіемъ служебника и «во всемъ справя сію святую книгу и согласно сотворя древнимъ греческимъ и славенскимъ,» повелѣли напечатать ее въ томъ же 1655 г., опредѣливъ, чтобы и другія книги, въ какихъ только находятся погрѣшности, были также исправлены по древнимъ греческимъ и славянскимъ спискамъ. Когда же Никонъ, при помощи восточныхъ святителей, Макарія патріарха антиохійскаго, Гавріила патріарха сербскаго, Григорія митрополита никейскаго и Гедеона митрополита молдавскаго, окончательно убѣдился въ неправильности двуперстнаго сложенія для крестнаго знаменія, онъ снова созвалъ (23 апр. 1656 г.) на соборъ всѣхъ русскихъ архипастырей, которые, выслушавъ рѣчь Патріарха, объяснившаго имъ пути, приведшіе его къ познанію правильного перстосложенія, опредѣлили слагать персты для крестнаго знаменія такъ, «якоже древле святая восточная Церковь пріяла есть,» т. е. изображать крестъ «стремя первыми великими персты десныя руки,»—и одобрили, послѣ тщательнаго пересмотра, переведенную съ греческаго и только-что напечатанную книгу Скрыжалъ⁽¹⁾. А послѣ всего этого, кто не согласится, что Никонъ для исправленія церковныхъ книгъ употреблялъ всѣ самыя лучшія мѣры, какія употребляла наша церковь и прежде: исправленіе производилось по древнимъ греческимъ и славянскимъ книгамъ и рукописямъ, — лицами самыми образованными, какихъ только можно было тогда найти

(1) Ист. Р. раск. стр. 158—174.

въ православной Россіи и на Востокѣ, и потому естественно болѣе другихъ способными и благонадежными, — производилось наконецъ соборнѣ, — совѣтомъ не только русской, но и восточной церкви. А если такъ, то на какія же изъ дѣйствій Никона можно указать (если только можно), какъ на такія, которыя прямо или косвенно содѣйствовали появленію раскола?

Первымъ такимъ дѣйствіемъ п. Никона мы признаемъ его распоряженіе касательно справщиковъ книгъ, бывшихъ при п. Іосифѣ. Извѣстно, что послѣ того, какъ рѣшено было дѣло исправленія книгъ, Никонъ прежнихъ справщиковъ удалилъ отъ печатнаго двора и на мѣсто ихъ назначилъ новыхъ. По видимому, такое распоряженіе Патріарха было не только естественно, но и совершенно необходимо. Справщики книгъ при п. Іосифѣ, по несомнѣнно дознаннымъ фактамъ, были люди не глубокаго ума, не большихъ свѣдѣній и кромѣ того люди зараженные тѣми самыми ошибочными мнѣніями, которыя всего болѣе смущали Никона. Значить, присутствіе ихъ на печатномъ дворѣ, участіе при исправленіи и изданіи книгъ не только не могло приносить никакой существенной пользы, напротивъ *могло* быть даже вредно. Не смотря на все вниманіе къ печатному дѣлу самого патріарха, они могли по прежнему вносить въ издаваемыя книги погрѣшности, если и не такія важныя, какъ было это при п. Іосифѣ, по крайней мѣрѣ такія, какихъ трудно избѣжать человѣку не совсѣмъ способному. А послѣ этого выборъ на печатный дворъ новыхъ лицъ болѣе даровитыхъ и способныхъ, чуждыхъ погрѣшностей, которыя прежде всего предположено было исправлять, былъ совершенно законною мѣрою со стороны Никона, рѣшившагося вполнѣ исправить наши богослужебныя книги. Но

если мы находимъ распоряженіе п. Никона касательно прежнихъ справщиковъ книгъ дѣйствию не вполне благоразумнымъ, то хотимъ сказать этимъ не то, будто Патріархъ не долженъ былъ избирать для предполагаемаго исправленія книгъ новыхъ справщиковъ, а то, что съ тѣми лицами, которыя несли труды изданія книгъ при п. Іосифѣ и въ первые годы его патріаршества, онъ долженъ былъ поступить иначе, чѣмъ какъ поступилъ. Избравъ новыхъ справщиковъ книгъ, онъ долженъ былъ, по благоразумію, до поры до времени оставить на печатномъ дворѣ и прежнихъ. Вреда особеннаго отъ этого не могло бы быть, а между тѣмъ отъ такого распоряженія не послѣдовало бы и того зла, какое принесло книжному дѣлу и всей церкви удаленіе этихъ лицъ отъ занимаемой ими прежде должности.

Не могло быть особеннаго вреда для книжнаго исправленія, если бы п. Никонъ, назначивъ для исправленія и изданія книгъ извѣстныхъ уже намъ образованныхъ мужей, оставилъ на печатномъ дворѣ и прежнихъ справщиковъ. Доказывать эту мысль нѣтъ большой необходимости. Самый отчаянный пессимистъ можетъ указать въ этомъ случаѣ только развѣ на то, что между прежними и новыми справщиками могли бы возникнуть въ такомъ случаѣ разнаго рода интриги и происки. Но кто не согласится, что при такомъ несчастіи страдали бы болѣе сами интригующіе, чѣмъ книжное дѣло, и что внимательный надзоръ Патріарха, на невниманіе котораго тогда никто не имѣлъ бы права жаловаться, могъ если не прекратить, по крайней мѣрѣ ослабить внутренній раздоръ между его подчиненными. Что же касается опасенія, будто бы въ такомъ случаѣ желаніе Патріарха и согласныхъ съ нимъ новыхъ справщиковъ исправить оши-

бочныя мнѣнія прежнихъ печатныхъ книгъ касательно неправильнаго сложенія перстовъ для крестнаго знаменія, чтеніе 8-го члена символа вѣры и др., могло встрѣтить противодѣйствіе въ прежнихъ справщикахъ, какъ бывшихъ представителями этихъ мнѣній; то всякій согласится, что умъ, довѣрчивый къ добру въ людяхъ, можетъ видѣть въ этомъ предметѣ и другую, совершенно противную сторону, именно, что, можетъ быть, тогда Аввакумъ и подобные ему сами убѣдились бы въ неправотѣ своихъ мнѣній и оставили бы ихъ. Потому что тогда, по самому порядку вещей, эти мнѣнія, въ слѣдствіе неодинаковаго отношенія къ нимъ прежнихъ и новыхъ справщиковъ, подверглись бы болѣе внимательному обсужденію, новые справщики — партія согласная съ Патриархомъ должна была бы тогда позаботиться о присканіи достаточныхъ основаній для своихъ требованій и перемѣнъ, и думать, что, если бы эти основанія были указаны, Аввакумъ и другіе не захотѣли бы упорствовать въ своихъ ошибкахъ, пѣтъ ничего невѣроятнаго. «А еже намъ быти у него, патриарха, въ послушаніи и *безъ разсужденія* не прекословити ни въ чемъ, самое незаконное се дѣло», писалъ Нероновъ царскому духовнику Степану Вонифатьеву. Значитъ, справщики прежніе не считали бы дѣломъ незаконнымъ подчиняться волѣ Патриарха, желавшаго уничтожить въ прежнихъ книгахъ ученіе о двуперстїи и другія ошибочныя мнѣнія, если бы выслушаны были ихъ *разсужденія* объ этихъ предметахъ и предложены были на ихъ же *разсужденія* основанія ученія истиннаго. Тѣмъ болѣе вѣроятно подобное предположеніе, что нѣкоторыя изъ мнимыхъ нововведеній Никона, по свидѣтельству самихъ старообрядцевъ, не только не осуждались Іосифовскими справщиками, напротивъ одобрялись,

напр. партесное пѣніе, введенное Никономъ еще въ бытность его митрополитомъ новгородскимъ ⁽¹⁾, и что вообще Иосифовскіе справщики не прочь были отъ принятія троеперстія и др. «церковныхъ вещей,» если бы не препятствовали этому другія причины. «Со вселенскими патріархами, говорилъ однажды тотъ же Нероновъ самому Никону, нѣсмь противень, якоже глаголеши ты; но тебѣ единому не покаряюся... *мы тебѣ противны въ церковныхъ вещахъ.* Патріархи тебѣ писали, что креститься тремя перстами подобаетъ, непокоряющихся же подѣ клятвою и запрещеніемъ устроити заповѣдаша: аще ты съ ними соглашался, азъ сему не противень, азъ убо подѣ клятвою вселенскихъ патріарховъ быти не хочу; да кая тебѣ честь, владыко святой, что всякому еси страшень?» Значить, если бы Никонъ вмѣсто грознаго и строгаго осужденія прежнихъ справщиковъ, какъ людей неспособныхъ и зловредныхъ, оказалъ имъ милостивое снисхожденіе, положимъ, на первый разъ не заслуженное ими, и оставилъ ихъ при печатномъ дворѣ,—они могли бы согласиться съ нимъ въ «церковныхъ вещахъ» и постарались бы заслужить прощеніе за прежніе свои грѣхи. Предположенію нашему не можетъ противорѣчить то обстоятельство, что нѣкоторые изъ указанныхъ лицъ, не смотря ни на какія принужденія и страданія, никакъ не хотѣли принять мнимыхъ нововведеній Никона и оставить своихъ ошибочныхъ мнѣній. Это было уже послѣ того, какъ Патріархъ отставилъ ихъ отъ печатнаго двора; значить, тутъ было другое дѣло, существовали другія причины. Какія—увидимъ послѣ. Да наконецъ если бы

(1) Повѣсть о рожденіи, воспитаніи и о кончинѣ Никона, рукоп. нашей академ. бібліотеки № 14.

и допустить, что *нѣкоторые* изъ Юсифовскихъ справщиковъ по прежнему остались бы упорными въ своихъ ошибкахъ,—зла отъ этого не могло бы быть большаго. Тогда ихъ возгласы противъ мнимыхъ нововведеній необходимо теряли бы часть своего значенія отъ того самаго, что другіе изъ ихъ общества были бы согласны съ Патріархомъ. Такимъ образомъ, очевидно, мы не согласны съ мнѣніемъ тѣхъ, кои на удаленіе отъ печатнаго двора Юсифовскихъ справщиковъ п. Никономъ смотрятъ какъ на мѣру «умную и благодѣтельную» и въ разсѣяніи ихъ по разнымъ мѣстамъ готовы видѣть «прекращеніе раскола,» который будто бы потому только распространился, что «нашлись Никону при дворѣ многочисленные и сильные враги» (1). Нѣтъ, мы думаемъ иначе. Отставивъ отъ печатнаго двора и заточивъ потомъ по разнымъ мѣстамъ справщиковъ, первыхъ расколоучителей, Никонъ одержалъ побѣду только *видимую* и не особенно блестящую (потому что что-за торжество для патріарха послать въ заточеніе нѣсколькихъ поповъ и протопоповъ?). На самомъ же дѣлѣ такимъ распоряженіемъ Никонъ сдѣлалъ большую ошибку, которая вскорѣ и принесла свои горькіе плоды.

Зло, какое произошло отъ такого распоряженія, состояло въ томъ, что удаленные отъ печатнаго двора справщики, и прежде не совсѣмъ довольные Патріархомъ за его преобразованія, теперь сдѣлались самими первыми и заклятыми его врагами. Оглашеніе ихъ Патріархомъ людьми неспособными и даже зловредными въ отношеніи къ исправленію книгъ, какъ и слѣдовало ожидать, оскорбило ихъ ученое самолюбіе до послѣдней степени. А между

(1) Русск. Раск. Старообряд.—Щапова, стр. 45—49.

тѣмъ были причины въ самомъ ходѣ дѣла, по которымъ не слѣдовало бы раздражать этихъ людей. Не споримъ, что Патріархъ, любимецъ и другъ Царя, могъ (на сколько справедливо, увидимъ) считать себя выше козней и интригъ какихъ либо поповъ и протопоповъ; но все же, если не для собственной безопасности, то для успѣха дѣла, важнаго для всей церкви, не нужно было затрогивать слабыхъ сторонъ Юсифовскихъ справщиковъ. Эти попы и протопопы, положимъ, были гораздо ниже Патріарха, по своему іерархическому положенію; но все же и они пользовались необыкновеннымъ почетомъ и уваженіемъ въ народѣ, слыли за философовъ своего времени, за людей «зѣло искусныхъ» въ словѣ Божіемъ и отеческихъ писаніяхъ, мало этого, имѣли даже значеніе при самомъ дворѣ. Начальникомъ печатнаго двора, на которомъ трудились Аввакумъ и его сотоварищи, былъ князь Львовъ, разумѣется, человекъ не безъ связей общественныхъ. У Аввакума въ числѣ духовныхъ дѣтей находились лица даже близкія къ царской семьѣ. Таковы придворныя боярыни изъ рода Морозовыхъ, Соковинныхъ, Урусовыхъ и др. Стефанъ Вонифатьевъ, сотрудникъ Аввакума и другихъ по изданію книгъ, былъ духовникомъ самого Царя. А послѣ этого само собой понятно, что неприязнь такихъ людей къ Патріарху могла имѣть свое значеніе. Не смотря на это, п. Никонъ не пощадилъ ихъ самолюбія и этимъ самымъ повредилъ не только себѣ лично, но и тому святому дѣлу, ради котораго собственно и удалилъ отъ печатнаго двора неспособныхъ справщиковъ.

Лишь только указанные попы и протопопы лишились своихъ мѣстъ, приносившихъ имъ столько почета, какъ немедленно стали разсѣивать въ народѣ и въ другихъ слояхъ общества неудовольствіе противъ Патріарха. И

такъ какъ не могли же они высказывать истинныхъ причинъ своего нерасположенія къ Никону, то, разумѣется, позаботились приискать причины, хотя и ложныя, тѣмъ не менѣе не безопасныя для Патріарха. Книжное исправленіе, начатое Никономъ, и указало имъ путь къ отысканію этихъ причинъ. Личное нерасположеніе къ Патріарху замѣнено неудовольствіемъ на его преобразованія, жалобы на мнимую несправедливость Никона смѣнились клеветою на его нововведенія. Вездѣ и всѣмъ Иосифовскіе справщики стали проповѣдывать, что Патріархъ не исправляетъ книги, но портитъ, что онъ развращаетъ древнюю Вѣру и губитъ еретичествомъ церковь. Если мы возьмемъ во вниманіе то обстоятельство, что эти мысли стали разсѣивать въ народѣ тѣ самыя лица, которыя при прежнемъ патріархѣ сами занимались изданіемъ «священныхъ книгъ,» которымъ, слѣдовательно, по мнѣнію большинства, лучше всякаго другаго могла быть извѣстна истина и ложь, православіе и ересь; то поймемъ, какъ опасна должна была быть подобная проповѣдь, особенно при общемъ нерасположеніи къ Патріарху духовенства и бояръ.

Не смотря на многія несомнѣнныя пастырскія достоинства, какими обладалъ Никонъ, нельзя сказать, чтобы онъ пользовался особенною любовію современнаго ему духовенства. И причина этого была опять въ самомъ же Патріархѣ, въ его характерѣ суровомъ до непреклонности, въ его управленіи строгомъ иногда до безпощадности. Не отвергаемъ того, что духовенство времени Никона далеко не соотвѣтствовало своему назначенію, что нужны были мѣры для исправленія безпорядковъ, какіе существовали въ клирѣ. Но зло было такъ давне, вошло въ жизнь духовныхъ такъ глубоко, что требовались осо-

бенная осторожность и благоразуміе при истребленіи его. Крутыми и строгими мѣрами едва ли можно было чего либо достигнуть, по крайней мѣрѣ относительно тѣхъ, кои уже погрязли въ этомъ злѣ. Еще можно было съ успѣхомъ дѣйствовать на молодое поколѣніе, — и внимательный надзоръ Никона за ставленниками нельзя не назвать мѣрою похвальною во всѣхъ отношеніяхъ; но едва ли можно было надѣяться на успѣшное исправленіе людей старыхъ, сжившихся съ своими недостатками. Между тѣмъ Никонъ, по возшествіи на патріаршій престолъ, объявилъ себя врагомъ всего безпорядочнаго и дурнаго, въ комъ бы это дурное ни существовало. Своевольныхъ и нерадивыхъ поповъ и протопоповъ онъ строго смирялъ, посылалъ въ монастыри на черныя работы, лишалъ сана, заключалъ въ темницы, а иногда даже въ церкви смирялъ неисправныхъ рукою по малу (1). Понятно, какъ все это должно было казаться тяжелымъ людямъ, привыкшимъ къ жизни свободной и своевольной, особенно священноцерковнослужителямъ московскимъ, изъ которыхъ многіе знали Никона еще простымъ священникомъ, подъ именемъ Никиты Минина (2), а иные были съ нимъ даже въ дружбѣ (3). Неудовольствіе на Патріарха въ духовенствѣ было неизбежно, хотя и не совсемъ справедливо, и оно не замедлило явиться. Скоро вездѣ и почти всѣ стали кричать: «знаете ли, кто Патріархъ, звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ?» Явились даже смѣльчаки, которые личи укоряли Патріарха въ его строгости, хотя и безъ успѣха. Было бы несправедливо укорять Никона за такую строгость, если

(1) Твор. Св. Отц. 1860 г. кн. 2, стр. 342.

(2) Ист. о Раск. пр. Игн. стр. 184.

(3) Твор. Св. Отц. стр. 268—269.

смотрѣть только на побужденіе, по которому онъ такъ немиролюбиво относился къ подчиненному ему духовенству; но нельзя не признать въ подобной строгости Патріарха непрактичности и слишкомъ идеальнаго воззрѣнія на дѣло, — недостака немаловажнаго во всякомъ правителѣ. Патріарху нужна была преданность низшаго духовенства; при помощи его и только одного его, онъ могъ провести въ толпу тѣ новые на взглядъ тогдашняго общества порядки и чины, какіе заводилъ Никонъ; а между тѣмъ онъ болѣе всего и вооружилъ противъ себя этихъ необходимыхъ помощниковъ. Зло отъ этого было очень велико. Клеветы справщиковъ Иосифовскихъ на Патріарха, будто бы развращающаго Вѣру, были встрѣчены большинствомъ духовенства, по личному нерасположенію къ Никону, съ сочувствіемъ, и бѣдному народу грозила опасность быть введеннымъ въ обманъ. Такъ и случилось, какъ увидимъ послѣ.

Не меньшую неприязнь питали къ Никону и бояре. Ихъ всего болѣе досадовала близость Патріарха къ престолу и особенная любовь къ нему Царя. Никонъ, какъ извѣстно, былъ не только другомъ Алексѣя Михайловича, но и первымъ совѣтникомъ его во всѣхъ дѣлахъ государственныхъ. Этой чести Патріархъ не искалъ, но заслужилъ ее по праву, — своимъ умомъ, своею преданностію Царю, своимъ самоотверженіемъ на пользу отечества. Но, разумѣется, бояре подобныя достоинства Патріарха забывали, а помнили только одно его недостоинство, — то, что онъ былъ родомъ простой поселянинъ. Если бы все дѣло ограничилось этимъ, тогда, конечно, неприязнь бояръ къ Патріарху и козни, какія употребляли они къ его гибели, падали бы всею своею тяжестію на главу виновенныхъ. Къ сожалѣнію, не такъ было на

сагомъ дѣлѣ. Никонъ самъ часто давалъ боярамъ поводъ къ неудовольствіямъ разнаго рода и самъ былъ отчасти виною того, что интриги придворныя сосредоточились почти на немъ одномъ. Причиной этого былъ тотъ же строгій и подѣ часъ рѣзкій характеръ Никона. Еще въ бытность новгородскимъ митрополитомъ Никонъ обращался со многими боярами такъ, что они писали: «лучше бы намъ въ Новой Землѣ за Сибирью, съ князь Иванъ Ивановичъ Лобановымъ пропасть, нежели съ новгородскимъ митрополитомъ: какъ такъ сильно заставляеть говѣть, — никого своею силою не заставишь Богу вѣрывать.» Жалоба не отзывается нравственностію, но не лишена нѣкоторой справедливости. И вотъ тогда же придворная толпа бояръ стала кричать: «никогда такого безчестія не было, что нынѣ государь насъ выдалъ митрополитамъ (¹).» Царь Алексѣй Михайловичъ предостерегалъ Никона отъ подобныхъ столкновеній съ боярами, говоря: «добро, государь владыко святой, учить премудра, премудрѣе будетъ, а безумному обличеніе мозоли ему, есть;» однако Никонъ, какъ видно изъ послѣдующихъ обстоятельствъ, не послушался совѣта добраго царя, знавшаго хорошо беспощадность боярской ненависти и злобу придворныхъ интригъ. Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ еще болѣе вооружилъ противъ себя бояръ своими строгими замѣчаніями противъ ихъ несовсѣмъ нравственной жизни, а нерѣдко и положительными мѣрами противъ ихъ своеволія, особенно выражавшагося въ пренебреженіи церковныхъ уставовъ и въ пристрастіи къ новымъ обычаямъ, несогласнымъ съ образомъ жизни благочестивыхъ предковъ. Появлялись ли

(¹) Акт. Арх. Эксп. т. IV, № 37.

у бояръ вывезенные изъ польскаго похода латинскіе иконы и органы, Никонъ смѣло обличалъ ихъ за это въ храмѣ предъ лицомъ самого государя, и даже отбиралъ запрещенные предметы. Хотѣлось ли кому либо дозволить себѣ удовольствіе турецкаго омовенія, преступленіе становилось извѣстнымъ Патріарху и получало достойное наказаніе. Начиналъ ли извѣстный бояринъ поздно являться въ патріаршія палаты, онъ не оставался безъ должнаго замѣчанія со стороны Никона. Все это крайне раздражало бояръ, любившихъ жить по своей волѣ. Когда же царь Алексѣй Михайловичъ, отправляясь въ походъ, подчинилъ Никону своего намѣстника и бояръ, которые безъ него не могли рѣшить никакого дѣла и должны были каждое утро являться къ нему съ докладами, а по возвращеніи изъ похода далъ ему титулъ «великаго государя,» — ненависть бояръ къ Патріарху достигла послѣднихъ предѣловъ. Особенно недовольны были такимъ порядкомъ вещей родственники Царя — Морозовы, Милославскіе, Стрѣшневъ и другіе. Подъ вліяніемъ внушеній оскорбленнаго самолюбія, они рѣшили, во что бы то ни стало, низложить и погубить Патріарха. Для этой цѣли главнымъ орудіемъ противъ Патріарха они избрали такъ называемый монастырскій приказъ, учрежденный въ патріаршество Іосифа, въ которомъ засѣдали бояре съ правомъ разсматривать жалобы на духовныхъ и даже съ правомъ полного завѣдыванія монастырями и церквами сель монастырскихъ. Мало по малу бояре, недовольные Никонъ, стали дѣлать чрезъ монастырскій приказъ распоряженія не только мимо Патріарха, но и съ открытымъ намѣреніемъ оскорблять его. Отъ духовныхъ имѣній они переходили къ духовнымъ лицамъ, опредѣляли священниковъ и игуменовъ именемъ Царя безъ всякаго сноше-

пія съ Никономъ. Понятно, какъ все это должно было раздражать Никона, защитника правъ русской церкви и величія высшей церковной власти. Онъ началъ доказывать всю неправоту подобнаго порядка дѣлъ и, въ порывѣ негодованія на своеволие бояръ, позволялъ несовсѣмъ скромные отзывы о самомъ приказѣ, учрежденномъ по волѣ царя. Боярамъ того только и хотѣлось. Они стали представлять Никона въ глазахъ Царя преступникомъ, злоумышляющимъ противъ самодержавной власти. Эти ли клеветы бояръ на Никона предъ Алексѣемъ Михайловичемъ, или что либо другое было причиною первыхъ неудовольствій между Царемъ и Патріархомъ, — неизвѣстно съ достовѣрностію; но неудовольствіе возникло, и этого достаточно было боярамъ, чтобы развязать руки на большую дерзость въ отношеніи къ Патріарху. И нельзя сказать, чтобы бояре показали себя въ этомъ случаѣ людьми достойными своего имени. Въ злобѣ они позволяли себѣ то, на что не рѣшился бы чловѣкъ благородный. Одни, чтобы выразить свое презрѣніе къ Никону, называли именемъ его своихъ собакъ (Стрѣшневъ Семень). Другіе, чтобы раздражить Патріарха и тѣмъ вызвать его на новый какой либо неблагоразумный поступокъ, стали оскорблять патріаршихъ бояръ и чиновниковъ (стольникъ Хитровъ). Иные посягали на самую собственность Никона, и притомъ по полномочию монастырскаго приказа (Бабарыкинъ). А нѣкоторые, болѣе ярые, готовы были даже лишить жизни Патріарха (1). Стрѣлъ было пущено много и многія достигали цѣли. Подъ вліяніемъ такихъ оскорбленій,

(1) Бояре—судьи по дѣлу Бабарыкина писали: «и только бы онъ (Никонъ) былъ не такова чина, и мы бъ и жива его не отпустили» (Ист. Р. Церк. пр. Фил. IV, 49).

характеръ Никона, горячій и вспыльчивый, сдѣлался еще раздражительнѣе, и онъ дѣйствительно начинаеть дѣйствовать оскорбительно и для Царя и для своего собственнаго достоинства. Но бояре не думали ограничиваться одними оскорбленіями, какія они причиняли Никону. Имъ хотѣлось погубить Патріарха, чтобы освободиться отъ его вліянія, и вотъ они всѣми мѣрами стараются стать между нимъ и Царемъ. Искусство вести интриги помогло имъ не допустить Патріарха до личныхъ откровенныхъ объясненій съ Царемъ, которыхъ оба они желали и которыя могли бы положить конецъ всѣмъ недоразумѣніямъ. Царь, по пройскамъ бояръ, перестаетъ являться на служенія Патріарха, не допускаетъ къ себѣ его самого, а между тѣмъ наговоры и клеветы на святителя такъ и кишать при дворѣ. Неудовольствіе Царя на Патріарха при помощи бояръ скоро перешло въ гнѣвъ и открытую вражду. Друзья сдѣлались врагами, вопреки собственному желанію. При такомъ положеніи дѣлъ, Никону, очень хорошо сознававшему свою правоту предъ Царемъ, трудно было не уѣхать изъ Москвы въ Воскресенскій монастырь, хотя бы даже безъ царскаго позволенія, а между тѣмъ этотъ поступокъ съ одной стороны выставялъ своеволие Патріарха, съ другой открывалъ врагамъ его обширное поле для козней. Выставя предъ Царемъ непослушаніе Патріарха, бояре народу стали объяснять удаленіе святителя немилостію Царя за его мнимыя нововведенія. Такимъ образомъ къ толпѣ недовольныхъ Никонъ изъ духовенства, не безъ вины со стороны самого Патріарха, присоединилось не малое число изъ бояръ — съ неменьшимъ вліяніемъ на толпу, только съ болѣшимъ умѣніемъ доводить свои козни до конца. Можно было опасаться, что при такихъ обстоятельствахъ дѣло книж-

наго исправленія, начатое Никономъ, встрѣтитъ препятствіе и не принесетъ надлежащихъ плодовъ. Такъ и случилось.

Лишь только напечатаны были первыя исправленныя книги и стали разсылаться по церквамъ, какъ всѣ недовольныя Никономъ лица духовныя объявили себя противъ нихъ. Прежде всего возстали противъ новопечатныхъ книгъ справщики Юсифовскіе. Одни изъ нихъ стали проповѣдывать, что вообще въ новыхъ книгахъ повреждены древніе чины и уставы; другіе, болѣе смѣлые, прямо указывали эти, будто бы испорченные, чины; а нѣкоторые осмѣливались даже писать апологіи въ защиту старыхъ порядковъ. Іоаннъ Нероновъ каждый день являлся въ соборъ и запрещалъ дьячкамъ трегубить аллилуіа. Протопопы Аввакумъ и Даніиль «со отцы и братією» сошлись на общее совѣщаніе и написали челобитную, въ которой жаловались на измѣненіе Патріархомъ двуперстнаго сложенія, на оставленіе земныхъ поклоновъ въ святую Четыредесятницу и др., и которую подали Царю. Діаконъ Θεодоръ, подобно другимъ, «новые законы и уставы обличая, народы учаше новинамъ не прилагатися, но древняго благочестія предѣлы держати.» По всей вѣроятности, съ такими же чувствами относились къ новоисправленнымъ книгамъ и прочіе справщики Юсифовскіе — Никита, Лазарь и др. Что же за причина была такого общаго нерасположенія этихъ лицъ къ трудамъ Патріарха? Было бы несправедливо объяснять все дѣло одною личною неприязнью указаныхъ лицъ къ Никону за то, что онъ лишилъ ихъ должности справщиковъ и огласилъ людьми неправославными; но далеко отъ истины, кажется, и то предположеніе, будто они дѣйствовали единственно по искреннему убѣжденію въ справедли-

вості тѣхъ мнѣній, которыя отстаивали. Мы уже имѣли случай указать нѣкоторыя свидѣтельства этихъ самыхъ лицъ, изъ которыхъ видно, что ревнители двуперстія и другихъ мнѣній, которыя патріархъ Никонъ призналъ ошибочными, отстаивали свои заблужденія не столько по приверженности къ нимъ, сколько по неудовольствію на Патріарха за то, что онъ вводилъ новыя мнѣнія самовластно и уничтожалъ прежнія насиліемъ и строгостію. Теперь представимъ нѣкоторыя новыя соображенія въ пользу той же мысли. Прежде всего во всѣхъ возгласахъ Юсифовскихъ справщиковъ противъ мнимыхъ нововведеній Никона слишкомъ замѣтно раздраженіе этихъ лицъ противъ Патріарха. Читая сочиненія ихъ, видишь, что всѣ они пропитаны, такъ сказать, самою злою ненавистію къ Никону, переполнены самыми нелѣпыми, нерѣдко нарочито придуманными, клеветами на него; а это невольно наводитъ на мысль, что всѣ эти сочиненія писаны не столько въ защиту извѣстныхъ вѣрованій, сколько для посрамленія и униженія Патріарха. Далѣе: возстали противъ Никона и его исправленій прежніе справщики *первые* и притомъ *всѣ безъ исключенія*, — фактъ замѣчательный, который опять даетъ нѣкоторое основаніе думать, что они руководились въ этомъ случаѣ не столько привязанностію къ старымъ книгамъ, — не могли же всѣ они питать по крайней мѣрѣ одинаково сильную привязанность къ старинѣ, — сколько своимъ личнымъ нерасположеніемъ къ Патріарху, который сдѣлалъ неприятность всѣмъ имъ, и притомъ одну и ту же. За тѣмъ: многія изъ этихъ лицъ, послѣ того, какъ Никонъ, удалившись изъ Москвы, ждалъ суда и осужденія, оставляли свои мнѣнія и обращались къ православію, хотя нѣкоторыя только на время. Таковы: Іоаннъ Нероновъ, Никита, Ла-

зарь, діаконъ Осодоръ, принесшіе покаяніе на соборѣ 1666 — 7 года. Подобное явленіе даетъ право по крайней мѣрѣ на такое заключеніе, что указанныя лица, если и держались своихъ мнѣній по привязанности къ нимъ, то все-таки эта привязанность находила собѣ не малую пищу въ личномъ нерасположеніи къ Патріарху, и вотъ, когда Никонъ уже былъ такъ сказать отмщенъ, она начинала слабѣть въ тѣхъ, кои не отличались твердостью характера. Наконецъ, не можемъ не указать еще на одинъ фактъ, который не мало подтверждаетъ нашу мысль. Въ числѣ жалобъ, которыя Нероновъ отъ лица всѣхъ своихъ собратій высказывалъ Царю и самому Патріарху, есть между прочимъ жалоба на то, за чѣмъ Никонъ избралъ справщиками книгъ кievскихъ иноковъ и ученаго Арсенія Грека. «Ты хвалишь законоположеніе иноземцевъ и обычаи тѣхъ приемишь, говорилъ Нероновъ Никону; нынѣ у тебя то и святые люди: гречане и изъ Малыя Руссіи»... «Стани добръ, церковное чадѣ, жаловался тотъ же Нероновъ самому Царю, и вонми плачу и моленію твоихъ государевыхъ богомольцевъ.» О чемъ же молили эти богомольцы? «Молимъ тя, государь, иностранныхъ иноковъ, ересей вводителей, въ совѣтъ не принимай; зримъ бо въ нихъ, государь, ни одну отъ добродѣтелей: крестнаго знаменія на лицѣ истиннаго вообразити не хотятъ и сложенію перстовъ блѣдословно противятся, на колѣни же поклонитися Господеви отъ покоя ради не хотятъ.» Имѣя въ виду то, что эти челобитчики за нѣсколько лѣтъ прежде сами печатали книги многихъ западныхъ иноковъ, какъ книги православныя (таковы: книга о вѣрѣ, большой и малый катихизисы и др.) и сами же говорили въ этихъ книгахъ ⁽¹⁾, что церковь

(1) Въ книгѣ о вѣрѣ л. 27 — 29.

греческая ни въ чемъ не отступила отъ православія, — мы можемъ объяснить приведенную выше жалобу Неронова только досадою Иосифовскихъ справщиковъ на Патріарха за то, что онъ на мѣсто «высоко ученыхъ великороссійскихъ протопоповъ и поповъ» поставилъ справщиками книгъ западныхъ иноковъ и нѣкоторыхъ грековъ. Исправленія этихъ лицъ клеймились именемъ ересей не потому, чтобы они были таковы на самомъ дѣлѣ, а просто потому, что эти исправленія дѣлались не Нероновымъ и Аввакумомъ съ братією, а «иностранными» пришельцами. Нашему взгляду на рассматриваемый предметъ не противорѣчитъ то обстоятельство, что нѣкоторые изъ Иосифовскихъ справщиковъ, и по изложеніи Никона, упорно держались своихъ мнѣній — до конца своей жизни. Во-первыхъ, мы уже сказали, что нельзя думать, будто этими людьми руководила одна только личная неприязнь къ Патріарху безъ отношенія къ ихъ религиознымъ убѣжденіямъ и привязанностямъ. Во-вторыхъ, и смотря на дѣло такъ, какъ мы смотримъ, можно объяснить упорство этихъ лицъ. Слава и громкая популярность имѣютъ съ собою слишкомъ много привлекательнаго, чтобы не увлечься ими; быть учителемъ вѣры, называть себя апостоломъ, разсылать свои посланія «ко всѣмъ вѣрнымъ на всемъ лицѣ земномъ» — какъ поступалъ Аввакумъ, — во всемъ этомъ столько заманчивости и обаянія, что можно, и не сознавая въ себѣ призванія на такое дѣло, рѣшиться однакоже на него. При этомъ не нужно забывать и того, что есть люди, которые, однажды рѣшившись идти по извѣстной дорогѣ вслѣдствіе какихъ бы то ни было обстоятельствъ, уже не способны оставить своего пути, хотя бы обстоятельства послѣ и перемѣнились, особенно, когда дѣло касается

такихъ вещей, измѣнчивость въ которыхъ не составляетъ чести для человѣка. Какъ бы впрочемъ ни было, только Юсифовскіе справщики, удаленные Никономъ отъ печатнаго двора, первые возстали противъ Патріарха и изданныхъ имъ, новоисправленныхъ книгъ. Что же предпринялъ Никонъ въ противодѣйствіе этимъ лицамъ и въ обезпеченіе успѣха своего дѣла?

Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, онъ убѣждалъ непокорныхъ подчиниться волѣ своего верховнаго пастыря; а потомъ, когда убѣжденія оказались недѣйствительными, онъ сослалъ болѣе упорныхъ въ разныя мѣста на заточеніе. Аввакумъ отправленъ, по его собственнымъ словамъ, «въ далечайшія сибирскія страны, въ самые глубочайшіе предѣлы, за великимъ озеромъ Байкаломъ.» Даниилъ, протопопъ костромской, по разстриженіи, посланъ въ Астрахань. Логгинъ, протопопъ муромскій, по лишеніи сана, отправленъ въ свой городъ Муромъ. Лазарь, попъ романовскій, и Никита, попъ суздальскій, разсланы были также по своимъ городамъ. Князь Львовъ, бывшій начальникомъ печатнаго двора, попалъ въ Соловки. Протопопъ Іоаннъ Нероновъ, по лишеніи скуоѣи, сначала содержался въ московскомъ Симоновомъ монастырѣ, потомъ сосланъ въ Спасо-каменный вологодскій и оттуда въ Кольскій монастырь. Одинъ только дьяконъ Ѳеодоръ оставленъ былъ въ Москвѣ (можетъ быть потому, что замѣнить его, не какъ справщика, а дьякона благовѣщенскаго собора, было некому), да еще Стефанъ Вонифатьевъ, духовникъ Царя, — лице неприкосновенное. «Такимъ образомъ,» говорится въ одной книгѣ по поводу заточенія по разнымъ городамъ Юсифовскихъ справщиковъ, первыхъ вождей раскола, «п. Никонъ старался предупредить дальнѣйшее движеніе раскола совершенно за-

конными, истинно церковными мѣрами. Всѣ главные зачинщики его были разсѣяны. И издатели служебника 1655 г. имѣли полное право сказать, что благочестивымъ повелѣніемъ п. Никола и царя Алексѣя Михайловича «лукавство изчезе, неправда отгнана бысть, лжа потребися, вмѣсто же сихъ истина ликуеть, правда цвѣтеть, любовь владычествуетъ» (1). Кромѣ того, что въ этихъ словахъ есть историческая невѣрность въ томъ отношеніи, что, по всѣмъ соображеніямъ, нѣкоторые изъ Юсифовскихъ справщиковъ (2) были высланы изъ Москвы уже *послѣ* 1655 года,—намъ почему-то напомнили они наивность дѣтей, которые въ случаѣ какой либо опасности закрываютъ себѣ голову, или даже только глаза, и думаютъ, что они уже спасены. Ужели въ самомъ дѣлѣ п. Никонъ на свое распоряженіе касательно заточенія по разнымъ городамъ первыхъ вождей раскола могъ смотрѣть, какъ на мѣру—предупредить *дальнѣйшее движеніе* раскола? Ужели можно было думать, что, съ удаленіемъ этихъ лицъ изъ Москвы, расколъ прекратился, опасность миновалась? Не наоборотъ ли должно было заключать, что чѣмъ дальше уѣзжалъ какой либо Аввакумъ, тѣмъ дальше проникали и сѣмена раскола? Мы по крайней мѣрѣ такъ понимаемъ дѣло, и въ указанномъ распоряженіи Патріарха не только не видимъ «мѣры умной» для предупрежденія раскола, напротивъ видимъ ошибку, рѣшительно необъяснимую ничѣмъ, ненамѣренное средство распространить расколъ. Доказывать, что это такъ должно было быть, нѣтъ нужды, когда такъ случилось. Историческіе факты убѣдительнѣе всякихъ соображеній, а

(1) Русск. Раск. Старообр. Шапов. стр. 45.

(2) Наприм. Данилъ, см. Твор. Св. Отц. кн. 2. 1860 г. стр. 330—1; Аввакумъ, см. Правосл. Собес. 1838 г. Май, стр. 96.

они прямо доказываютъ ту мысль, что первые вожди раскола въ Москвѣ, по удаленіи своемъ изъ столицы, были первыми распространителями своихъ мнѣній и въ другихъ мѣстахъ. Сибирь обязана своимъ расколомъ Аввакуму, который, по словамъ Винограда Россійскаго, какъ «въ заточеніи живой, тако и вспять возвращаяся, всюду свободнымъ гласомъ и благодарственною душею древняго благочестія свѣтлость пресвѣтло проповѣдаше» — «обличая Никоніанство... пестрообразную прелесть,» по его собственнымъ словамъ. Лазарь лишь только прибылъ въ Романовъ, какъ началъ «свободнымъ языкомъ древлецерковное повѣдати благочестіе и Никонова повшества изобличать.» Никита «ревновалъ по благочестію» въ своемъ Суздаль до того, что «прошеніе и книги жалобныя написалъ на новоисправленныя книги» (1). Неласковый пріемъ новопечатныхъ книгъ въ Соловецкомъ монастырѣ въ 1656 г. мы объясняемъ между прочимъ тѣмъ, что тамъ былъ въ это время князь Львовъ. Участь Даніила и Логгина была нѣсколько печальнѣе; оба они заключены были въ темницы и скоро скончались; но нѣтъ ничего невѣроятнаго допустить, что и они, если не въ Астрахани и Муромѣ, то по крайней мѣрѣ на пути не приминули привести свою лепту въ даръ расколу. Даже Іоаннъ Нероновъ, слабодушнѣйшій изъ всѣхъ другихъ, дѣлалъ свое дѣло, пиша изъ заточенія письма то къ духовнику царскому, то къ самой царицѣ и ходатайствуя предъ ними за свою «братію» и «церковь». Такимъ образомъ несомнѣнные историческіе факты убѣждаютъ насъ въ томъ, что на удаленіе п. Никономъ Іосифовскихъ справщиковъ изъ столицы по разнымъ городамъ въ заточеніе нужно смотрѣть не

(1) Объ всемъ этомъ см. въ Виноградѣ Росс. Денисова.

какъ на умную мѣру къ *предупрежденію раскола*, но какъ на большую ошибку со стороны Никона, бывшую причиной того, что расколъ, сначала обнаружившійся въ Москвѣ, былъ разцесенъ теперь повсюду. Трудно даже понять, какъ съ умомъ Никона можно было допустить такой промахъ.

Успокоенный удаленіемъ изъ столицы враговъ своихъ, прежнихъ справщиковъ книгъ, Никонъ продолжалъ начатое дѣло книжнаго исправленія съ энергіею, свойственною его пылкому и твердому характеру. Въ 1655 году вышелъ изъ печати новоисправленный служебникъ, а за тѣмъ вскорѣ издано нѣсколько другихъ книгъ. Патріархъ разослалъ (1656 г.) по церквамъ новые служебники и приказалъ отобрать прежніе. Мы далеки отъ того, чтобы вѣрить Денисову, который говоритъ, будто Никонъ для распространенія новыхъ книгъ употреблялъ «мучительства, томленія нестерпимыя, мученія страшныя, и ужасныя смерти и неповѣстительныя умертвія,» равно не считаемъ вѣрнымъ и того извѣстія, будто «новыхъ книгъ пріяти *всюду* не хотяху;» но знаемъ, что такое распоряженіе произвело во многихъ мѣстахъ волненіе, перешедшее потомъ въ явное возстаніе противъ новоисправленныхъ книгъ и за тѣмъ въ расколъ. Послѣ этого вопросъ о томъ, хорошо ли поступилъ Никонъ, когда приказалъ вдругъ отбирать прежнія неисправныя книги и на мѣсто ихъ вводить новыя, а не предоставилъ этого времени, представляется неизбѣжнымъ и довольно важнымъ. Какъ же рѣшаютъ его? Сущность отвѣта, какой обыкновенно даютъ на предложенный вопросъ, состоитъ въ томъ, что мѣра эта была *самая естественная*, а за тѣмъ слѣдуетъ указаніе на примѣръ п. Филарета, который

отобралъ уставъ 1610 г. и даже сжегъ его ⁽¹⁾. Примѣръ, говорятъ, заразителенъ, тѣмъ не менѣе мы удерживаемся отъ подражанія ему и, вопреки мнѣнію почти общему, утверждаемъ, что указанная мѣра была вовсе не естественна и примѣръ п. Филарета не говоритъ ничего въ оправданіе Никона.

Неоднократно уже говорили мы, что патріархъ Никонъ имѣлъ несчастіе нажить себѣ много враговъ, которые еще прежде, чѣмъ явились на свѣтъ новоисправленныя книги, уже проповѣдывали, что Патріархъ не правитъ книги, а портитъ и развращаетъ Вѣру. Враги эти были теперь разсѣяны по разнымъ мѣстамъ, но не разсѣялись ихъ ложныя убѣжденія. Напротивъ и словомъ и писаніемъ они всюду старались распространить мысли, которыхъ держались сами. Въ Соловецкомъ монастырѣ встрѣтили новоисправленныя книги уже съ предзанятою мыслию объ ихъ испорченности. Эта несправедливая мысль была, вѣроятно, и въ другихъ мѣстахъ, особенно въ тѣхъ, гдѣ, скажемъ словами напыщеннаго витіи раскольническаго Денисова, «имѣли дивное ступаніе красныя ноги благовъствовавшихъ» подобную несправедливость, — Аввакума, Лазаря и др. Что оставалось дѣлать Никону при такихъ обстоятельствахъ? Постараться, какъ бы и во чтобы то ни стало, показать неправоту распространившагося мнѣнія, а для этого самую естественною мѣрою было разослать новоисправленныя книги, но ничуть не отбирать прежнихъ, чтобы люди, предубѣжденные противъ первыхъ, могли разрѣшать свои недоумѣнія, сличивъ ихъ съ послѣдними. Тогда каждому проповѣднику лжи можно было сказать: «прииди и виждь, сличай и повѣрай, и ты най-

(1) Русск. Раск. Старообр. Шапов. стр. 50—51; снес. Ист. Русск. раск. Макарія, стр. 182.

дешь только перемѣну въ словахъ, новость въ выраженіяхъ, но ни чуть не порчу Вѣры. А если тебѣ не нравятся и новыя слова, поступай какъ знаешь, служи по прежнимъ книгамъ до поры-до времени, именно до тѣхъ поръ, пока не утихнетъ поднятое личными врагами Патріарха волненіе, или пока не уничтожатся твои старыя книги, какихъ больше печатать уже не будутъ.» Кажется, все это такъ просто и естественно, что распространяться дальше было бы многословіемъ. Теперь посмотримъ, что должна была произвести мѣра, употребленная Никономъ. Стоустая молва объ испорченности новыхъ книгъ уже бродила между народомъ. Люди самые скептическіе, до которыхъ только достигла сна, ожидали новоисправленныхъ книгъ съ недовѣріемъ. Вотъ книги являются, но въ тоже время отбираются прежнія. Это почему? Эти книги не исправны, говорятъ посланные Патріарха. Какъ такъ? Уже ли же мы служили и молились Богу доселѣ не такъ, какъ слѣдуетъ? Ужели наши молитвы были не во спасеніе, а въ грѣхъ? Чего же смотрѣли люди, отъ которыхъ зависѣло это дѣло? А эти люди были наши святители-патріархи, по благословенію которыхъ издавались прежнія книги. Ужели же и они служили по неправымъ книгамъ? Многіе изъ этихъ вопросовъ, совершенно неизбѣжныхъ при такомъ порядкѣ вещей, до того важны, что положительный отвѣтъ на нихъ былъ бы страшнымъ ударомъ для вѣрующей души, и вотъ волей-неволей приходится отвѣчать отрицательно, а при такомъ отвѣтѣ мысль объ испорченности новыхъ книгъ является уже неизбѣжною. Случись при этомъ кому либо послушать проповѣдь Аввакума или подобнаго ему, и сомнѣніе его въ православіи новаго Патріарха необходимо перейдетъ въ твердую увѣренность касательно его еретичества. Такъ

и было въ тѣхъ мѣстахъ, куда уже проникли сѣмена лжеученія. А если мы припомнимъ, что говорили прежде о неудовольствіяхъ на Никона со стороны духовенства, то не удивимся, что такъ было почти повсюду, гдѣ появлялись новыя книги. Такимъ образомъ, обстоятельства, въ какихъ, по несчастію, находился Никонъ, дѣлали указанную мѣру вовсе неестественною, — мало того, — гибельною для Патріарха и вредною для церкви. Примѣръ патріарха Филарета ничего не доказываетъ. Мы даже удивляемся, какъ можно ссылаться на этотъ примѣръ, — такъ онъ не похожъ по обстановкѣ на обстоятельства патріаршества Никонова. Филаретъ, отецъ царя, прославляемый всѣми за страданія, перенесенныя въ плѣну за отечество, любимецъ духовенства за милости къ нему ⁽¹⁾, — развѣ это-тоже, что Никонъ, незнатный родомъ, нелюбимый духовенствомъ, ненавидимый боярами, разладившій подъ конецъ съ Царемъ—другомъ?

Впрочемъ оставимъ на время безъ вниманія тѣ несчастныя обстоятельства, въ какихъ находился п. Никонъ и на которыя, какъ видно, онъ самъ не обращалъ вниманія, — и посмотримъ, благоразумно ли было бы съ его стороны распоряженіе объ отобраніи прежнихъ книгъ даже въ томъ случаѣ, если бы враги Патріарха не успѣли разсѣять въ народѣ лжи объ испорченности новыхъ книгъ?

При рѣшеніи этого вопроса неизбежно возникаетъ другой—о томъ, что могло побудить Патріарха къ такой мѣрѣ? Обыкновенный отвѣтъ на этотъ вопросъ—тогъ, что прежнія книги были испорчены. Правда; но что же изъ этого слѣдовало? По нашему мнѣнію, только—то, что эти книги нужно было исправлять и исправленныя разсылать

(1) Хроногр. Митр. Пахомія 1639 г.

для употребленія въ церквахъ, *ни мало не запрещаая книгъ прежнихъ*. Не споримъ, что при такомъ положеніи дѣла зло еще продолжало бы существовать, но зло первыхъ слишкомъ небольшое, которое во-вторыхъ скоро прекратило бы свое существованіе. Мы сказали, что если бы прежнія неисправныя книги оставались въ употребленіи народа и по изданіи въ свѣтъ книгъ новоправленныхъ, зла отъ этого большаго не было бы, и вотъ доказательства. Погрѣшности нашихъ прежнихъ книгъ, побудившія п. Никона къ изданію книгъ новыхъ, были, положимъ, многочисленны, но не особенно важны. Этимъ мы не отвергаемъ необходимости для Никона исправлять книги,—и неважныя ошибки въ книгахъ, предназначенныхъ для церковнаго употребленія и для наученія народа истинамъ Вѣры — достаточная причина къ исправленію этихъ ошибокъ,—а только хотимъ высказать ту мысль, что не слѣдовало предпринимать для уничтоженія неважныхъ погрѣшностей мѣръ особенно сильныхъ, которыя могли бы возбуждать въ массѣ волненія и недоумѣнія. А такова именно была мѣра, употребленная Никономъ. Намъ могутъ сказать, что погрѣшности старыхъ книгъ были не только многочисленны, но и важны, и могутъ указать въ этомъ случаѣ на неправильныя мнѣнія, внесенныя Іосифовскими справщиками въ печатныя книги. На это мы отвѣтимъ: какъ смотрѣть на дѣло. Прежде всего: эти мнѣнія существовали въ церкви гораздо прежде п. Никона, и однакожъ чрезъ это ни церковь не была не православною, ни члены ея не лишались спасенія. Значить, если бы эти мнѣнія оставались въ старыхъ книгахъ и послѣ изданія Никономъ новыхъ, православіе нашей церкви, и въ частности тѣхъ членовъ ея, которые до времени держались бы этихъ мнѣній, ни-

сколько не страдало бы. Говорятъ: «пока эти мнѣнія не были обличены и отвергнуты церковною властію, до тѣхъ поръ они были грѣхами невѣдѣнія извинительными, но послѣ уже другое дѣло;—послѣ обличенія ихъ церковію они сдѣлались уже мнѣніями раскольническими» (1). Не понимаемъ, какъ это сдѣлалось бы, если бы церковная власть, или лучше п. Никонъ, взявъ во вниманіе значеніе обрядовой стороны богослуженія въ дѣлѣ вѣры и спасенія, призналъ эти мнѣнія только ошибочными, но ничуть не ересію, и слѣдовательно отнесся бы къ лицамъ, зараженнымъ этими мнѣніями, только какъ къ людямъ заблуждающимъ, но ничуть какъ къ еретикамъ, или раскольникамъ. А Никону такъ и слѣдовало поступить въ этомъ случаѣ, во-первыхъ потому, что нѣкогда онъ самъ держался этихъ самыхъ ошибочныхъ мнѣній,—значить, были причины, по которымъ съ одной стороны указанныя ошибки имѣли право, хотя бы и незаконное, на существованіе; съ другой—патріархъ Никонъ долженъ былъ быть снисходителенъ къ ошибкамъ, которыхъ не избѣжалъ самъ; во-вторыхъ, такъ смотрѣть на дѣло совѣтовалъ Никону патріархъ константинопольскій Паисій, который въ отвѣтъ на вопросы Никона о разныхъ, замѣченныхъ имъ въ русской церкви, погрѣшностяхъ, писалъ: «твое преблаженство сильно жалуется на несогласіе нѣкоторыхъ чиновъ, замѣчаемое въ нѣкоторыхъ церквахъ, и полагаешь, что эти различные чины растлѣваютъ нашу вѣру. Хвалимъ мысль: ибо кто боится преступленій малыхъ, тотъ предохраняетъ себя и отъ великихъ. Но исправляемъ намѣреніе: ибо иное дѣло еретики, которыхъ заповѣдуетъ намъ Апостолъ убѣгать по

(1) Истор. Русскаго раск. пр. Макара. стр. 146—147.

первомъ и второмъ наказаніи; и иное дѣло раскольники, которые хотя, повидимому, соглашаются въ главныхъ догматахъ православія, имѣютъ однакожь и свои ученія, чуждыя католической церкви; но если случится какой либо церкви разнствовать отъ другой въ нѣкоторыхъ чинахъ неважныхъ и несущественныхъ, т. е. не касающихся членовъ и догматовъ Вѣры,—каково, на примѣръ, время совершенія литургіи и под.,—то это не дѣлаеть никакого раздѣленія, лишь бы только непреложно сохранилась та же Вѣра. Церковь не отъ начала приняла все то чинопослѣдованіе, какое содержитъ нынѣ, а постепенно, и въ разныхъ церквахъ нѣкоторые чины вводились разновременно, и прежде святыхъ Дамаскина, Космы и другихъ пѣснотворцевъ, мы не пѣли ни тропарей, ни каноновъ, ни кондаковъ: все это однакожь не производило раздѣленій между церквами, когда соблюдалась неизмѣнно та же Вѣра, и онѣ не считались ни еретическими, ни раскольническими. Такъ и нынѣ не должно думать, будто развращается наша вѣра православная, если одинъ кто либо творить послѣдованіе свое, немного различное отъ другаго—въ вещахъ несущественныхъ, т. е. не касающихся членовъ Вѣры.» Этотъ мудрый совѣтъ, очевидно, касался чинопослѣдованій служебника, который Никонъ прежде всего и велѣлъ отбирать. Такъ же прямо и снисходительно совѣтовалъ Паисій Никону смотрѣть и на другія болѣе важныя разности, существовавшія въ то время въ нашей Церкви. Всего болѣе, какъ извѣстно, смущало Никона распространившееся въ ту пору двуперстіе, которое употребляли и для крестнаго знаменія и для благословенія священническаго. Паисій, основывая на преданіи обычай креститься тремя первыми перстами правой руки, писалъ о благословеніи именованномъ,

между прочимъ, вотъ что: «такъ какъ Богъ съ клятвою обѣщалъ Аврааму, да благословятся вси языцы земстїи о сѣмени его, которое есть Исусъ Христосъ — Ис Хс, — то Церковь благословляетъ всѣхъ, начертывая рукою священническою имя Мессїи: Ис Хс. *Какими бы перстами* кто ни изображалъ эти четыре буквы, разности не будетъ: только бы и благословляющей и благословляемый имѣли въ мысли, что благословеніе нисходитъ отъ Исуса Христа рукою священническою» (1). Въ-третьихъ наконецъ — потому, что такой взглядъ на это дѣло есть дѣйствительно истинный. Наша церковь, позволивъ единовѣрцамъ употребленіе тѣхъ самыхъ разностей, противъ которыхъ вооружался п. Никонъ, не лишаетъ однакожъ ихъ чрезъ это надежды на спасеніе, — знакъ, что, по взгляду церкви, эти разности не важны. Не споримъ, что гораздо лучше было бы вдругъ уничтожить всѣ эти разности и другія погрѣшности, находившіяся въ нашихъ старыхъ книгахъ; но этого можно было достигнуть только постепенно, какъ постепенно появлялись указанныя ошибки. Крутыя мѣры въ подобныхъ случаяхъ всегда приносятъ больше вреда, чѣмъ пользы, потому что масса никогда не бываетъ приготовлена къ мгновенной реформѣ надлежащимъ образомъ, и слѣдовательно кромѣ людей послушныхъ, которые всегда найдутъ причины покориться опредѣленію власти, могутъ встрѣтиться люди съ истинною привязанностію къ прежнему порядку вещей, и поэтому самому упрямые, которые или подымутъ ропотъ на нововведенія, или, если и примутъ ихъ, то неохотно, какъ что-то виѣшнее, насильственное, — во всякомъ случаѣ

(1) Посланіе п. Паисїа къ Никону напечатано въ Скрыжали ч. 1, стр. 639—760.

пользы мало. Не то бываетъ при реформахъ постепенныхъ. Часть людей передовыхъ, какихъ никогда не лишено общество, понявъ съ перваго же раза пользу и справедливость новыхъ учреждений, если только дѣйствительно такова бываетъ реформа, немедленно переходятъ на сторону нововводителей и начинаютъ выражать въ своей жизни и дѣятельности новыя начала. Польза и правда—необходимый результатъ подобнаго порядка вещей—мало по малу становятся очевидными для всѣхъ и ощутительными для каждаго, такъ что и тѣ, кои еще *не созрѣли* до теоретическаго пониманія новыхъ началъ, не въ состояніи бѣгаютъ противиться ихъ практической приложимости, — желаніе самому себѣ добра и невольное благоговѣніе предъ истиной заставляютъ и этихъ званыхъ включать себя въ число избранныхъ и пользоваться всѣми выгодами новаго порядка вещей. То же самое было бы, если бы патріархъ Никонъ рѣшился вводить въ практику церкви и употребленіе народное свои несомнѣнно полезныя и справедливыя исправленія постепенно и спешительно. Пастыри церкви, если бы даже и нашлись между ними люди съ привязанностію къ указаннымъ погрѣшностямъ, скоро поняли бы свою ошибку и оставили бы ихъ, потому что существованіе этихъ ошибокъ основывалось въ существѣ дѣла не на сознаніи ихъ справедливости, но на безотчетномъ усвоеніи того, что было въ прежнихъ книгахъ. Самъ Никонъ въ оправданіе свое, что употреблялъ въ первые годы своего патріаршества двуперстіе, ссылался на то, что такъ было сказано въ «*Феодоритовомъ писаніи*»; тоже говоритъ онъ и о другихъ, замѣчая притомъ, что само Феодоритово писаніе внесено въ печатныя и рукописныя книги только *цель-*

дѣломъ (1). Значить, стоило раскрыть грѣхи невѣдѣнія и показать, въ чемъ заключается правда, и истина восторжествовала бы надъ ложью. Пастыри въ свою очередь указали бы правду своимъ пасомымъ, и церковь русская не только избавилась бы отъ раскола, но даже не долго видѣла бы между своими членами незначительное обрядовое разногласіе, — тѣмъ болѣе, что самые источники этого разногласія или были не многочисленны, — таковы изданныя Іосифовскими справщиками книги, въ числѣ 6000 экземпляровъ, въ которыя внесено было ученіе о двуперстіи (2), — или должны были скоро уничтожиться сами собою — отъ времени, такъ какъ новыхъ изданій подобныхъ книгъ уже не было бы.

Не того долженъ былъ ожидать Никонъ при своей крутой и почти насильственной мѣрѣ, — отобраніи прежнихъ неисправныхъ книгъ, если бы, повторимъ, онъ даже не былъ въ тѣхъ неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, о которыхъ уже была рѣчь. Прежде всего такую мѣрою ошибкамъ маловажнымъ давалось значеніе серьезныхъ заблужденій, которыхъ будто бы никакъ нельзя было терпѣть, хотя эти ошибки существовали цѣлыя столѣтія. Нужно ли говорить, что подобное обстоятельство могло и даже должно было оскорбить религіозное чувство всякаго, кто держался этихъ ошибокъ, хотя бы и безотчетно, а число такихъ людей составляло большинство: «единиіи точію зѣло престарѣлые люди того ученія не пріяша и не внимаху прелести нововводнаго арменоподражательнаго двуперстнаго сложенія (3)»: Далѣе: такимъ распоряженіемъ унижались прежнія книги, какъ неисправныя, а между

(1) Истор. Русск. раскол. стр. 170.

(2) 3-е посл. Игнаг. Тоб. въ Прав. Собес. 1833 г. кн. 2, стр. 93—96.

(3) Тамъ же.

тѣмъ не уважать эти книги было невозможно. Если, какъ мы знаемъ, самъ Никонъ давалъ большое значеніе древнимъ церковнобогослужебнымъ книгамъ, говоря: «въ нихъ святіи Божіи чловѣцы и величьи ихъ творцы восточніи богословцы и учителя Аѳанасій Великій, Василій Великій и Григорій Богословъ, Іоаннъ Златоустъ, Іоаннъ Дамаскинскій, Петръ, Алексѣй, Іона, Филиппъ, московскіе чудотворцы, и прочіи святіи поучающеса, Богови угодиша.... (1)»; то что сказать о большинствѣ и массѣ менѣе образованной и въ слѣдствіе этого болѣе способной привязаться къ внѣшней обрядности? Опытъ говоритъ лучше всего; большая часть современниковъ Никона смотрѣла на древнія книги, какъ на святые и необходимыя для спасенія. Но вотъ эти святые книги начинаютъ отбирать, какъ неисправныя и поврежденныя, по которымъ не лзя ни служить, ни молиться Богу. Мы не удивились бы, если бы подобное распоряженіе возбудило въ народѣ ропотъ и негодованіе на Патріарха, даже безъ отношенія къ указаннымъ выше неблагопріятнымъ этому дѣлу обстоятельствамъ, — напротивъ, мы удивились бы, если бы ничего подобнаго не было. Да, наконецъ, если бы даже допустить, что привязанность современниковъ Никона къ прежнимъ церковнобогослужебнымъ книгамъ была не велика, — и въ такомъ случаѣ не слѣдовало, вводя въ употребленіе новыя книги, запрещать употребленіе прежнихъ, для того именно, чтобы не усилить этой привязанности. По странному свойству чловѣческой природы, запрещенный плодъ почему-то особенно намъ нравится, — истина общезвѣстная. Тоже бываетъ и съ запрещенными книгами. Онѣ невольно воз-

(1) Опис. кн. Царск. т. II, стр. 156; у Шапова стр. 15, примѣч. 3.

буждаютъ въ челоѣкѣ особенное къ себѣ уваженіе до того, что покупаются за большія деньги, хранятся, не смотря на опасность быть обличеннымъ въ нарушеніи закона, читаются и перечитываются нѣсколько разъ, съ особеннымъ вниманіемъ не только къ общему ихъ содержанию, но къ частнымъ мыслямъ, даже къ словамъ, въ которыхъ стараются найти особенный таинственный смыслъ. Это свойство челоѣческой природы до того извѣстно всѣмъ и каждому, что люди, способные, какъ говорятъ, ловить рыбу въ мутной водѣ, иногда нарочито распускаютъ слухи о секвестрѣ, наложенномъ будто бы на ту или другую книгу, въ видахъ скорѣйшаго сбыта ея, что и бываетъ къ удовольствію глубокихъ психологовъ. Подобныхъ же результатовъ долженъ былъ ждать и Никонъ, когда приказалъ отбирать по церквамъ прежнія неисправныя книги. Отобрать всѣ книги онъ не могъ уже потому одному, что не зналъ числа ихъ; за исключеніемъ книгъ отобранныхъ, оставалось и должно было остаться въ народѣ еще не мало другихъ, избѣгшихъ повального обыска; и вотъ эти-то книги, какъ подвергшіяся запрещенію, сдѣлались предметомъ еще большаго благоговѣнія и любви, чѣмъ какими пользовались прежде. Такимъ образомъ мы думаемъ, что строгое запрещеніе Никона употреблять при богослуженіи старыя книги не только не содѣйствовало прекращенію раскола, напротивъ прямо и положительно помогло его распространенію и усиленію тѣмъ, что, обративъ особенное вниманіе всѣхъ на эти книги, оно заставило каждого дорожить ими, а равно и находившимися въ нихъ ошибочными мнѣніями. Говорятъ: «народъ, горячо любившій Никона, по всей вѣроятности, съ непрекословною покорностію принялъ бы издавныя имъ книги, если бы его не возмутили рас-

колоучители (1)». Правда, народъ любилъ Никона, но народъ только московскій, котораго Патріархъ защищалъ отъ неправдъ боярскихъ, спасалъ во время моровой язвы и голода, кормилъ сайками при выходахъ своихъ на служеніе (2), да еще, можетъ быть, новгородскій, видѣвшій тѣ же милости Никона. Между тѣмъ книги новоисправленныя посылались и туда, гдѣ, можетъ быть, только слыхали про Никона. А главное: любовь толпы, какъ бы она сильна ни была, явленіе слишкомъ эемерное, чтобы прочности его можно было вѣрить съ несомнѣнностію. Примѣръ не далекъ и — поразительнѣйшій. Когда появился въ Новгородѣ голодъ, Никонъ, тогда еще митрополитъ новгородскій, не щадя ни хлѣба, ни денегъ, учредилъ въ своемъ домѣ еженедѣльную раздачу милостыни по воскресеньямъ деньгами, а въ простые дни хлѣбомъ; кромѣ того, каждодневно кормилъ бѣдныхъ по сту и болѣе человѣкъ, а для престарѣлыхъ вдовъ и сиротъ устроилъ четыре богадѣльни. Новгородцы не находили словъ для выраженія своей благодарности и любви къ милостивому архипастырю. Но вотъ интригантъ Морозовъ, бывшій причиною бунта въ Москвѣ, возбуждаетъ мятежь и въ Новгородѣ. Народъ взволновался и началъ грабежъ. Воевода Хилковъ рѣшился было успокоить мятежниковъ, но устрешенный угрозами, скрылся на митрополичьемъ дворѣ. Узнавъ объ этомъ, разъяренная толпа съ камнями и дубинами устремила къ архіерейскому дому. Никонъ, скрывъ воеводу во внутреннихъ своихъ покояхъ, приказываетъ запереть ворота своего дома, а самъ выходитъ изъ палатъ своихъ къ мятежникамъ и съ ангельскою кротостію начинаетъ говорить имъ: «любезныя дѣти!

(1) Русск. раск. старообр. Шапова, стр. 31.

(2) Чтен. Моск. Ист. Общ. 1848, № 5. ч. IV, стр. 33.

за чѣмъ пришли ко мнѣ съ оружіемъ? Я всегда былъ съ вами и теперь не скрываюсь. Я пастырѣ вашъ и готовъ положить за васъ душу свою.» Что же дѣлаетъ народъ, такъ много облагодѣтельствованный Никономъ и такъ горячо любившій своего пастыря? Въ неистовствѣ кричить: «онъ измѣнникъ, онъ защищаетъ измѣнниковъ» и, съ звѣрскою лютостію бросаясь на Никона, начинаетъ безъ пощады бить его дубьемъ и камнями до того, что служители отнесли митрополита въ келью почти бездыханнаго (4). Нужно ли продолжать рѣчь далѣе?

Какъ же, спросять, долженъ былъ поступить п. Никонъ, при введеніи во всеобщее употребленіе новоисправленныхъ книгъ? Прежде мы уже высказали нашъ взглядъ на этотъ предметъ. Теперь приведемъ слова объ этомъ одного пастыря нашей церкви—митрополита Платона. Сказавъ объ исправленіи Никономъ книгъ и разсылкѣ ихъ по всѣмъ церквамъ, митрополитъ Платонъ продолжаетъ: «но видится, что далѣе поступлено въ семъ случаѣ неосмотрительно. Велѣно новоисправленные книги вездѣ принимать, а старыя отбирать. А надлежало было *объяснивъ всѣ причины исправленія книгъ и представивъ предъ очи видимаго ошибки, также оговоривъ, что и въ старыхъ книгахъ ничего церкви противнаго не заключается, а только находятся нѣкоторыя отъ переписчиковъ ошибки и отъ переводчиковъ неисправности; а въ тѣхъ, кои ихъ употребляли и употребляютъ, никакова заблужденія и ереси церковь не признаетъ: сіе учинивъ, надлежало было оставить на волю: по старымъ ли служить книгамъ или по новымъ.* Вѣроятно, продолжаетъ Архипастырѣ, что симъ

(4) Начертаніе житія и дѣланій Никона—арх. Анолоса стр. 18—19, 1845 г.

поступкомъ всѣхъ умы были бы успокоены и со временемъ новоисправленныя книги взошли бы во употребленіе, а старыя сами собою вышли бы изъ употребленія. Но какъ стали вездѣ насильно новыя вводить, а старыя обирать, возсталъ общій ропоть, возмущеніе, мятежь и расколъ. Невѣжи или суетѣры стали толковать, что аки-бы церковь дотолѣ была въ заблужденіи, и что святые угодники аки-бы по тѣмъ книгамъ служа также погрѣшали. А были, можетъ быть, и такіе, кои не хотя лишиться собственности имъ принадлежащей, а надлежало имъ не малое иждивеніе употребить на покупку новыхъ книгъ, также роптали и къ возмутителямъ приставали. Хотя при семъ случаѣ слѣдовало нѣкоторое благоразумное употребить списхожденіе; но вмѣсто того укрощаемы они были вооруженною рукою, а нѣкоторые мятежники и казни были предаваемы. Сіе не только не погашало расколъ, но еще болѣе его возжигало, который и доселѣ къ великому церкви россійской несчастію продолжается» (1). Замѣтимъ, что такъ говорить челоувѣкъ, который, по его собственнымъ словамъ, писалъ свою исторію не такъ, какъ дѣлаютъ это дѣло «новѣйшіе писатели исторіи нашей, которые перѣдко обстоятельствамъ ласкательствуютъ, и чрезъ то лишаютъ свои сочиненія любезнаго и привлекательнаго исторіи свойства, то есть, истины и безпристрастія» (2).

Такимъ образомъ, очевидно, мы не согласны съ мнѣніемъ тѣхъ, кои считаютъ Никона совершенно повиннымъ въ дѣлѣ раскола, и всю вину зла слагаютъ на враговъ его. Каждому — свое.

(1) Кратк. Цер. Росс. Истор., т. II, стр. 234 — 5.

(2) Тамъ же т. I, стр. X.

Но говоря, что Никонъ поступилъ неосторожно, приказавъ на мѣсто прежнихъ неисправныхъ книгъ вводить книги новыя исправленныя, мы далеки отъ того мнѣнія нѣкоторыхъ, будто Никону не слѣдовало даже исправлять книги, такъ какъ народъ еще не былъ подготовленъ къ этому дѣлу ⁽¹⁾. Книги требовали исправленія, потому что, какъ мы замѣчали выше, въ нихъ было много погрѣшностей и ошибокъ, а умственное и нравственное состояніе современниковъ Никона было вовсе не таково, чтобы исправленію этому могло возникнуть особенно сильное противодѣйствіе, если бы, разумѣется, не встрѣтились особенныя неблагопріятныя обстоятельства, устранить которыя было не невозможно при умѣнши вести дѣло съ надлежащимъ тактомъ. Правда, образованіе современниковъ Никона было не велико, нравственность стояла не на высокой степени, привязанность къ внѣшности была сильна; но все это было и прежде Никона, когда между тѣмъ исправленіе книгъ совершалось, хотя и не такое радикальное, и волненій изъ-за этого особенныхъ не происходило. При самомъ предшественникѣ Никона, патріархѣ Іосифѣ, исправленіе, или точнѣе передѣлка книгъ была очень немаловажная. Въ книги, изданныя въ это время, *первый разъ* внесены были многія изъ тѣхъ ложныхъ мнѣній, изъ-за которыхъ послѣ поднялся на Никона ропотъ, и однакожъ эти передѣланныя и испорченныя книги приняты были всѣми безпрекословно, привязанность къ книжной буквѣ не попрепятствовала никому согласиться на принятіе книгъ съ вставочными цѣлыми мыслями. Несчастный случай съ Діонисіемъ, троицкимъ архимандритомъ, не говоритъ ничего противъ нашихъ мы-

(1) Дѣян. Петра Великаго — Голикова, т. XIII, стр. 40, изд. 1840 г.

слей. Знакомый съ подробностями этой исторіи знаетъ, что возстаніе толпы противъ исправленій, сдѣланныхъ Діонисіемъ, простекало не изъ чистой привязанности къ буквѣ и обряду, а изъ нечистаго источника—личной неприязни къ исправителю нѣкоторыхъ вліятельныхъ лицъ ⁽¹⁾. По тѣмъ же причинамъ томился много лѣтъ въ темницѣ и первый исправитель нашихъ книгъ, преп. Максимъ Грекъ ⁽²⁾. Такимъ образомъ всѣ разсужденія нѣкоторыхъ писателей о глубокомъ невѣжествѣ нашихъ предковъ, объ испорченности нравовъ ихъ, о мертво-обрядовомъ направленіи религіозной жизни въ вѣкахъ, предшествовавшихъ появленію раскола, по нашему мнѣнію, суть не болѣе, какъ ученыя изслѣдованія о нашей старинѣ, не имѣющія *прямаго* отношенія къ вопросу о *происхожденіи* раскола. Правда, сближенія при этомъ бываютъ иногда очень удачны, но при внимательномъ разсмотрѣніи дѣла въ нихъ оказывается болѣе остроумія, чѣмъ правды ⁽³⁾.

⁽¹⁾ См. въ Чтен. Моск. Истор. Общ. (1848 г. № 8) статью: «исправленіе богослужебныхъ книгъ при п. Филаретѣ»; а также въ Русскомъ Вѣстникѣ (1857 г. № 17) стат.: «русскіе исповѣдники просвѣщенія, въ XVII вѣкѣ».

⁽²⁾ Истор. Слов. М. Евгенія т. II, стр. 29 — 31.

⁽³⁾ Отъ этого нерѣдко происходятъ самыя курьезныя вещи—въ родѣ наприм. соприсутствія въ одной и той же книгѣ, и даже почти на одной страницѣ, слѣдующихъ мѣстъ: «расколъ произошелъ самъ собою въ слѣдствіе предварительнаго *впковаго развитія* въ нѣкоторой части русскаго народа особаго *лигимо-старообрядческаго направленія*»,—однакоже «въ слѣдствіе энергическихъ, умныхъ и благотельныхъ распоряженій п. Никона, можно сказать, что расколъ, вѣроятно, совершенно былъ бы остановленъ, по крайней мѣрѣ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ первоначально проявился, какъ секта *религіозно-обрядовая*, если бы п. Никону дали до конца довершить его великое дѣло», потому что «народъ, (который болѣе всего и былъ привязанъ къ обрядности), горячо любившій Никона, по всей вѣроятности, съ безпрекословною покорностію принялъ бы изданныя имъ книги, если бы его не возмутили расколуучители, бывшіе *личными* врагами, а также орудіями *личныхъ* и *сильныхъ* враговъ п. Никона» (Русск. Раск. Старообр. Шапо-
Т. I. Отд. II, 12

Состояніе умственное и нравственное нашихъ предковъ представляло почву, дѣйствительно, дурную, способную раждать плевелы, если бы врагъ вздумалъ сѣять ихъ, но не до того заглошшую, чтобы на ней искусная рука не могла возрастить добрыхъ плодовъ. Вообще мы не принадлежимъ къ категоріи тѣхъ, кои въ историческихъ событіяхъ видятъ какую-то логическую необходимость, и исторію считаютъ «потокомъ, ровню текущимъ по извѣстному направленію, и достигающимъ своей цѣли, которая хотя не предугавлена заранѣе, но все-таки очевидна по самому ходу дѣлъ.» Не отвергая основныхъ *законовъ историческаго движенія*, которыми управляется каждое общество, мы въ тоже время даемъ полное значеніе въ общемъ ходѣ событій *личности*, а въ слѣдствіе этого думаемъ, что ходъ историческихъ событій «вовсе не прямолинейный, напротивъ, онъ идетъ прихотливыми изви-вами, то стремясь впередъ, то уклоняясь въ сторону, то возвращаясь назадъ, то отклоняясь вовсе отъ цѣли, или останавливаясь на извѣстной ступени», и все это—въ слѣдствіе сталкивающихся и переплетающихся *случайностей*. Понимая дѣло такъ, какъ мы сказали, мы не согласны допустить мысли, будто расколъ «произошелъ самъ собою, въ слѣдствіе предварительнаго вѣковаго развитія въ нѣкоторой части русскаго народа особаго мнимо-старообрядческаго направленія», напротивъ думаемъ, что онъ — произведеніе XVII вѣка и именно тѣхъ случайныхъ обстоятельствъ, которыми полно было время Никонова патриаршества, хотя на проявленіе раскола въ той, а не иной формѣ, и по нашему мнѣнію, не могла не имѣть и дѣйствительно имѣла неоспоримое вліяніе религіозная жизнь нашихъ предковъ въ вѣкахъ предше-ва, стр. 49—51). Кто не захочетъ видѣть въ этихъ мысляхъ противорѣчія, тотъ все-таки найдетъ въ нихъ путаницу.

ствовавшихъ XVII столѣтію. Высказывая эту мысль, мы считаемъ долгомъ сдѣлать одну оговорку: подъ расколомъ мы понимаемъ въ настоящемъ случаѣ не вообще обрядовое направленіе религіозной жизни нашихъ старообрядцевъ,— это направленіе началось въ нашей церкви еще въ XI вѣкѣ, продолжаетъ существовать и доселѣ въ большинствѣ простаго народа, но—возстаніе противъ церкви изъ-за нѣкоторыхъ обрядовыхъ разностей извѣстнаго числа вѣрующихъ и наконецъ рѣшительное отдѣленіе отъ ней.

Неудовольствіе, возбужденное въ народѣ повелѣніемъ Никона отбирать изъ церквей прежнія книги, не остановилось на одномъ волненіи; скоро оно перешло въ ропотъ и негодованіе на Патріарха и даже въ открытое возстаніе противъ него. Причиной этого были уже другія обстоятельства, почти нисколько не зависѣвшія отъ самого Никона. Тутъ являются главными дѣятелями враги Патріарха, прежде всего бояре, а за ними Юсифовскіе справщики книгъ. Лишь только Никонъ удалился въ Воскресенскій монастырь, бояре рѣшили воспользоваться удобной минутой для погубленія Патріарха. Разсыпая предъ Царемъ клеветы на Никона, съ цѣлію произвести окончательный разрывъ между ними, оскорбляя на каждомъ шагѣ самого Патріарха поступками самыми незаконными, но во имя Царя, — съ цѣлію раздражить Никона и вооружить его противъ Царя,— бояре въ то же время начали распускать въ народѣ молву, будто Никонъ, врагъ православія и церкви, сдѣлался врагомъ самому Царю—и именно за свое еретичество. Это—съ цѣлію лишить Никона популярности въ народѣ. Но, вѣрно, не надѣясь собственными силами доказать еретичество Никоново, потому что сами не знали «ни православія ни

кривославія», бояре вспомнили, что есть еще недовольные Патріархомъ люди, если не съ большимъ авторитетомъ, за то съ большимъ знаніемъ вѣры, — это Иосифовскіе справщики, лишенные Никономъ своихъ мѣстъ и сосланные имъ въ заточеніе по разнымъ городамъ. Поэтому они рѣшились во что бы ни стало возвратить въ столицу «снужныхъ» людей, — съ цѣлію «образовать для себя партію церковную, которая бы возстала противъ власти Никона и противъ новоучрежденнаго имъ церковнаго порядка.» Милостивое вниманіе бояръ прежде всего обратилось на самаго заклятаго и самаго упорнаго врага Никонова — протопopa Аввакума. Въ скоромъ времени этотъ жаркій проповѣдникъ древняго благочестія и безпощадный обличитель мнимыхъ новинъ Никоновыхъ является изъ Сибири въ Москву «милосердіемъ скиптродержца» (1). Здѣсь «князи и бояре, по выраженію Денисова, тако любезно его пріяша, яко ангела Божія, и самому царю о немъ возвѣстиша, иже съ любовію того призвалъ, главу свою ко благословенію преклонивъ и свою десницу на цѣлованіе тому милостивно подавъ, слова мирная и жалостная съ въздыханіемъ тому бесѣдовавъ, благодарно и милостивно отпусти.» По проiscaмъ бояръ, Аввакуму дано было право «о себѣ, яко хоцетъ, да содѣваетъ,» т. е. предоставлена была полная свобода дѣлать, что ему угодно. И Аввакумъ не упустилъ случая воспользоваться для своихъ цѣлей даннымъ ему правомъ. Онъ началъ распространять свои мысли о погубленіи Патріархомъ старой вѣры съ такимъ успѣхомъ, что православные пастыри нашлись вынужденными жаловаться Царю на растригу въ томъ, что онъ «церкви запустишилъ,» т. е. увлекъ на свою сторону такое множе-

(1) Доп. къ Акт. Ист. V, стр. 443.

ство людей, что православные храмы сдѣлались пустыми,—и съ такою дерзостію, что осмѣлился подать самому Царю жалобное прошеніе, «чтобы онъ старое благочестіе взыскалъ и святую церковь отъ ереси оборонилъ и на престолъ патріаршескій пастыря православнаго учинилъ, вмѣсто волка и отступника Никона злодѣя» (1). По примѣру Аввакума и вмѣстѣ съ нимъ, въ надеждѣ на покровительство бояръ, а можетъ быть и по прямому внушенію ихъ, началъ въ это время распространять между жителями столицы подобное же лжеученіе другой Иосифовскій справщикъ—діаконъ Феодоръ. Прицая мнимыя нововведенія Никоновы, онъ въ то же время дерзко клеветалъ не только на всѣхъ русскихъ архіереевъ, но и на восточныхъ патріарховъ, будто бы уклонившихся отъ православія, а наконецъ написалъ, подобно Аввакуму, прошеніе Государю, «дабы повелѣлъ Никонова отложить преданія, древнее же отеческое неизмѣнно держати благочестіе» (2). Сотрудниками Аввакуму и Феодору являются и другіе распространители суевѣрія, любимцы бояръ: дворецкій и любимецъ стольника Салтыкова—Исаія, Авраамій ученикъ Аввакума, архимандритъ Покровскаго монастыря Спиридонъ Потемкинъ — изъ боярскаго рода Потемкиныхъ, Θεоктистъ — Златоустовскаго монастыря, ученикъ Іоанна Неронова и множество другихъ лицъ, или недовольныхъ Патріархомъ, или вооруженныхъ противъ него боярами, которые вели себя въ настоящемъ случаѣ такъ, что заслужили со стороны расколуучителей названіе «вѣрныхъ Никодимовъ, добрыхъ и преполезныхъ клеветовъ.» Свобода, съ какою дѣйствовали, подъ крѣпкою защитою бояръ, расколуучители въ Москвѣ, развя-

(1) Жит. Аввак.

(2) Виш. Росс.; Доп. къ Акт. Ист. V, 431.

зала руки и другимъ лицамъ, недовольнымъ Патріархомъ, и находившимся вдали отъ столицы. Никита и Лазарь, ограничивавшіеся прежде одною проповѣдію въ пользу древняго благочестія, теперь написали каждый по челобитной и подали ихъ царю Алексію Михайловичу, жалуясь въ нихъ на поврежденіе Никономъ старыхъ книгъ. Тоже дѣлали и другіе расколуучители, каждый по своимъ побужденіямъ, но всѣ въ надеждѣ на содѣйствіе боярь (¹). Даже тѣ лица, кои прежде покорялись волѣ Патріарха и соглашались на предпринятое имъ исправленіе книгъ, теперь объявили себя на сторонѣ раскола, сильнаго покровительствомъ князей и боярь. Таковъ былъ Александръ, епископъ вятскій, подписавшійся подъ опредѣленіями московскаго собора 1656 года, одобришаго между прочимъ книгу Скрыжалъ — съ ученіемъ о троеперстїи, и не смотря на это приславшій въ 1663 году къ Царю жалобную грамоту на Никона, оуждая въ ней исправленіе символа и вообще богослужебныхъ книгъ. Такимъ образомъ бояре, по своей личной неприязни къ Никону, покровительствовали расколуучителямъ, которые въ свою очередь своими клеветами на мнимое сретичество Патріарха, лишившими его довѣрія народа, помогали боярамъ. При такомъ положеніи дѣлъ, расколу не трудно было усилиться и распространиться, и онъ дѣйствительно усилился въ это именно время, по сознанию самихъ боярь, писавшихъ народу по низложеніи Никона: «и яко оставленіемъ престола, сотвори церковь святую вдовствовати осьмь лѣтъ и шесть мѣсяцевъ: въ неже между-патріаршества время блазнишася его ради мнози и явишася раскольницы и мятежницы православныя російскія церкви, лестными учении своими погу-

(¹) См. Ист. Р. р. изд. 2, стр. 186—7.

бившіи многія души» (¹). Съ другой стороны, при такомъ положеніи дѣлъ, гибель Никона была неизбежна. Всѣ были противъ него и никто за него. Сами духовныя власти, не отрицая необходимости начатыхъ Никономъ исправленій, не считали нужнымъ признавать болѣе достоинства его, какъ патріарха. И вотъ когда, въ слѣдствіе челобитныхъ раскольническихъ о низложеніи Никона, составился соборъ въ 1660 году для разсужденія объ этомъ предметѣ, только голосъ одного человѣка (архимандрита полоцкаго Игнатія) былъ въ пользу Никона; остальные всѣ признали его достойнымъ лишенія не только престола, но и сана, хотя не имѣли даже права судить своего архипастыря (²). Самъ царь, опутанный интригами бояръ, велъ себя въ настоящемъ случаѣ ниже своего величія. Не отвергаемъ того, что доброму и мягкосердечному Алексѣю Михайловичу трудно было бороться съ кознями бояръ и придворныхъ, осаждавшихъ его, по выраженію Майерберга, до того, что никому другому не было до него доступа. Тѣмъ не менѣе не можемъ не высказать своего сожалѣнія о томъ, что Царь оставилъ Патріарха—любимца и друга въ жертву врагамъ его. Мы не знаемъ истинныхъ причинъ неудовольствія между Царемъ и Никономъ, но тѣ, которыя знаемъ, по нашему мнѣнію, далеко недостаточны были для того, чтобы забыть всѣ заслуги Никона предъ отечествомъ и самимъ Царемъ. А кажется, не слѣдовало бы забывать этихъ услугъ,—такъ онѣ были велики. Еще въ бытность повгородскимъ митрополитомъ, Никонъ съ опасностію жизни усмирилъ мятежъ, спасъ отъ смерти воеводу царева князя Хилкова и привелъ непокорныхъ въ

(¹) Древн. Росс. Вивліюв. ч. III, стр. 404, собр. грам. IV, № 63, 182—185.

(²) Игнат. Истор. о расколахъ стр. 192—194.

послушаніе Царю. На престолѣ патриаршемъ Никонъ былъ первымъ и самымъ умнымъ совѣтникомъ Царя; ни одно государственное дѣло не рѣшалось, въ которомъ бы не участвовала мысль Никона; при участіи Никона, къ которому и обратился Хмѣльницкій съ просьбою о помощи, присоединена была къ Россіи Малороссія; по его совѣту начата война съ Польшею, кончившаяся такъ удачно, что Алексѣй Михайловичъ признанъ былъ преемникомъ Яну Казимиру. Когда Царь находился въ походѣ, семейство царское поручено было Алексѣемъ Михайловичемъ попеченію Патриарха. И Никонъ, не смотря на свирѣпствовавшую въ то время моровую язву, спасъ дорогихъ Царю лицъ, хотя для этого нужно было ему странствовать изъ одного мѣста въ другое, съ опасностію сдѣлаться жертвою язвы. Услуга эта, по признанію самого Царя, была такъ велика, что онъ «въ восторгѣ радости» тогда же называлъ Никона великимъ государемъ, приказавъ, не смотря на нежеланіе Никона, писать этотъ титулъ во всѣхъ государственныхъ актахъ. Плодомъ трудовъ Патриарха было и то, что въ началѣ 1656 г. молдавскій воевода Стефанъ просилъ Царя принять его подъ покровительство, что и было сдѣлано, хотя и не надолго (1). Не говоримъ о другихъ заслугахъ Никона, какъ общественнаго дѣятеля, напр. о его благотворительныхъ учрежденіяхъ (богадѣльняхъ), которыя онъ заводилъ и въ Новгородѣ и въ Москвѣ, питая въ нихъ тысячи голоднаго народа; и указанныхъ достаточно, чтобы видѣть, что Никонъ по праву пользовался любовію Царя и высокимъ значеніемъ въ цѣломъ государствѣ. И однакожь все это скоро было забыто Царемъ,—забыта была даже клятва, данная Никону, отрекавшемуся отъ престола, Царемъ и

(1) Истор. Русс. Церкв. пр. Филар. IV, стр. 32—38.

народомъ — слушать его, какъ патріарха, во всемъ безпрекословно. Вотъ почему, не смотря на всѣ ошибки, допущенныя Никономъ, какъ человѣкомъ, наше сочувствіе невольно обращается къ нему и готово извинить ему многое за его страданія. И на оборотъ, чувствуется непреодолимая антипатія къ другимъ дѣятелямъ этой эпохи, виновникамъ гибели Патріарха. Всего менѣе, разумѣется, должно считать нравственно-виновнымъ въ этомъ дѣлѣ Алексѣя Михайловича. Но и онъ не безъ упрека, особенно за то двуличіе и нерѣшительность, съ какими дѣйствовалъ Царь въ отношеніи къ Никону, послѣ того, какъ бояре успѣли поселить между ними раздоръ, и которыя были причиною страданій Патріарха медленныхъ, но тѣмъ болѣе убійственныхъ. Пусть бы при первыхъ возникшихъ неудовольствіяхъ, если были на это серьезныя причины, Алексѣй Михайловичъ прямо объявилъ себя противъ Никона; тогда развязка послѣдовала бы скоро. Не такъ поступилъ Царь. Давъ замѣтить Никону свой гнѣвъ, побудившій Патріарха оставить Москву (1) онъ въ тоже время пишетъ ему самыя дружескія письма, въ которыхъ величаетъ Никона «великимъ государемъ, отцемъ,» а себя «сыномъ возлюбленнымъ» (2). Повѣривъ наглой клеветѣ бояръ, будто Никонъ проклиналъ Царя въ своемъ Воскресенскомъ монастырѣ, Алексѣй Михайловичъ въ гнѣвѣ приказываетъ произвести строгое

(1) «Се вижу на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды,» писалъ Никонъ Царю, оставляя Москву и удаляясь въ Воскресенскій монастырь, «и того ради и соборовъ во святыхъ церквахъ лишаемы. Азъ же пришлецъ есмь на землѣ. И се нынѣ, поминая заповѣдь Божию, даю мѣсто гнѣву, отхожду отъ мѣста и града сего. И ты имаша предъ Господомъ и Богомъ отвѣтъ дати» (Истор. Русской Церк. преосвящ. Филарета IV, стр. 44).

(2) Какихъ мученій стоило Никону это письмо Алексѣя Михайловича, см. объ этомъ Чтен. Моск. Имп. Общ. Ист. и Древн. Росс. 1848 г. № 5, ч. IV, стр. 41—2.

ислѣдованіе; когда же доносъ оказывается несправедливымъ, посылаетъ Никону подарокъ, а боярь-клеветниковъ оставляетъ безъ суда и наказанія. Созывается соборъ (въ 1660 г.) для разсужденія о дѣлахъ Никона, и когда недовольныя Патріархомъ духовныя власти опредѣляютъ лишить своего архипастыря — одни патріаршаго престола, другіе — самаго сана, повергая впрочемъ со смиреніемъ свое рѣшеніе на благоусмотрѣніе Царя (¹), Алексѣй Михайловичъ не дѣлаетъ ни того ни другаго, но и не оправдываетъ Никона, не смотря на то, что іерусалимскій патріархъ Нектарій, въ отвѣтъ на вопросы о царской и патріаршей власти, отправленные Алексѣемъ Михайловичемъ къ восточнымъ патріархамъ, ясно писалъ, что онъ ни въ грамотѣ царской, ни въ наказѣ посла не нашель достаточныхъ причинъ къ обвиненію Никона, и умолялъ Царя вспомнить заслуги Никона и возвратить его на патріаршій престоль. Когда, по настоянію газскаго митрополита Паисія Лигарида, дѣйствовавшаго подъ вліяніемъ боярь, Царь рѣшилъ созвать соборъ для окончательнаго суда надъ Никономъ и для этого послалъ пригласительныя грамоты къ восточнымъ патріархамъ, — и на этомъ соборѣ (1667 г.) Алексѣй Михайловичъ ведетъ себя самымъ двусмысленнымъ образомъ: то подходитъ къ Никону и со слезами на глазахъ говоритъ ему: «о святѣйшій! за чѣмъ положилъ ты на меня такое пятно, готовяся къ собору, какъ бы на смерть? Или думаешь, забылъ я всѣ твои заслуги, мнѣ лично и моему семейству оказанныя во время язвы, и прежнюю нашу любовь» (²), пзъявляя при этомъ желаніе мира; то, еще прежде прибытія Никонова на соборъ, убѣждаетъ Лазаря Баранови-

(¹) Ист. о раск. преосв. Игнат. стр. 192—193.

(²) Чтен. Моск. Общ. 1848 г. № 5, IV, стр. 46.

ча, епископа черниговскаго, не соглашавшагося на осужденіе Патріарха, помогаютъ врагамъ Никона, говоря: «о епископе, аще ты патріарха Никона и не знаеши и не видалъ: но яко слышалъ еси, яко человекъ онъ яръ есть и нестерпимъ, молю же тя о семъ, егда будетъ призванъ онъ на соборъ сей, потщися во всемъ помочествовати намъ» (1); и за тѣмъ, не смотря на то, что никто ничего не могъ сказать въ осужденіе Никона «кромѣ оныхъ трехъ мужей» — епископовъ: Павла Крутицкаго, Илариона Рязанскаго и Мееодія Мстиславскаго, которые, по неучтивому выраженію Шушерина, «яко звѣріе двѣи обскачюще блаженнаго Никона, рыкающе и вопіюще нелѣпыми гласы, и безчинно всячески кричаху, лающе» (2), да изъ боярь—князя Долгорукова, — Царь все-таки согласился на опредѣленіе собора—лишить Никона сана и заточить на вѣчное покаяніе въ пустынную обитель, какъ простаго монаха. Наконецъ, послѣднее дѣйствіе царя Алексѣя Михайловича въ судѣ надъ Никономъ еще болѣе поражаетъ насъ своею несправедливостію. Не удовольствовавшись тѣми винами, которыя возвелъ на Никона соборъ, онъ позволилъ боярамъ издать еще гражданскій манифестъ, съ объявленіемъ причинъ осужденія Патріарха, и въ числѣ этихъ причинъ—помѣстити многія такія, въ которыхъ Никонъ совершенно не былъ виновенъ, или даже въ которыхъ виновенъ былъ самъ Царь (3). Конечно, народъ, ради котораго изданъ былъ этотъ манифестъ, можно было обмануть; но нельзя было надѣяться на тотъ же исходъ дѣла въ отношеніи къ потомству. А между тѣмъ этотъ же самый царь предъ смертію пи-

(1) Житіе Никона-Шушерина — рукоп. Новгор. Соч. Библ. № 1371 л. 28 об.

(2) Тамъ же л. 28.

(3) Ист. Р. Церк. пр. Филар. IV, стр. 52—54.

саль въ завѣщаніи: «отъ отца моего духовнаго, великаго господина, святѣйшаго Никона, іерарха и блаженнаго пастыря, аще и не есть нынѣ на престолѣ семъ, *Богу тако изволившу*, прощенія прошу и разрѣшенія» (1), хотя заточенному, по волѣ царя, Никону, не было *разрѣшено* пользоваться даже свѣтомъ дневнымъ, потому что окна его Бѣлозерской келліи заколочены были наглухо (2). Зная простой и мягкій характеръ Алексѣя Михайловича, мы далеки отъ того, чтобы во всѣхъ указанныхъ двучличныхъ поступкахъ его видѣть какой либо маккіавелизмъ,—для этого нужно слишкомъ много ума и не мало хитрости,—и думаемъ, что все это зависѣло единственно отъ слабодушія Царя, который, будучи поставленъ обстоятельствами, что называется, между двумя огнями—любовію къ Никону, которая хранилась въ сердцѣ Алексѣя Михайловича до послѣднихъ дней жизни, и ненавистію къ Патріарху боярѣ, отъ вліянія которыхъ не было силъ освободиться, просто, какъ говорится, растерялся и не зналъ, что дѣлать, или лучше, поступалъ по требованію минуты, то подчиняясь интригамъ боярѣ противъ Никона, то слѣдуя иногда влеченію сердца, еще не успѣвшаго разлюбить Патріарха—друга. Поэтому образъ дѣйствій Алексѣя Михайловича въ отношеніи къ Никону, со времени удаленія послѣдняго изъ Москвы и до самой смерти Царя, заслуживаетъ, по нашему мнѣнію, болѣе сожалѣнія, чѣмъ упрека.

Въ кого же, спросятъ насъ послѣ этого, бросить камень осужденія за появленіе раскола, причинившаго такъ много зла церкви православной? Бросать камень мы не намѣрены ни въ кого, а выскажемъ *sine ira et studio*

(1) М. Плат. Церк. Ист. II, 364.

(2) Чт. Моск. Ист. Общ. 1848 г. № 3, ч. IV, стр. 48.

наше мнѣніе объ этомъ предметѣ, которое будетъ естественнымъ заключеніемъ изъ всего сказаннаго доселѣ. Почва для раскола, какъ ревнителя буквы и обряда, существовала въ нашей Церкви гораздо прежде XVII вѣка. Но это не значить, будто на этой почвѣ необходимо долженъ былъ рано или поздно произрасти «скуколь душевредный» въ образѣ раскола, какъ возстанія извѣстнаго числа вѣрующихъ противъ церкви и наконецъ рѣшительнаго отдѣленія отъ нея, хотя бы изъ-за обрядовыхъ же разностей. Расколъ въ этомъ смыслѣ произошелъ вслѣдствіе условныхъ обстоятельствъ, возникшихъ въ началѣ второй половины XVII вѣка, по милости главныхъ дѣятелей этой эпохи на поприщѣ церковномъ и гражданскомъ, и есть въ этомъ отношеніи явленіе чисто *случайное*. Исправленія п. Никономъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ чиновъ нельзя считать причиною появленія раскола; оно могло совершиться безъ подобной катастрофы, если бы Никонъ велъ это дѣло не только согласно съ требованіями православія, но и сообразно съ практической мудростію. Неосторожный поступокъ его съ Іосифовскими справщиками былъ первымъ поводомъ къ раздѣленію церковному, явившемуся впрочемъ сначала въ видѣ личной неприязни къ Патріарху только *нѣкоторыхъ*, недовольныхъ имъ, и сосредоточившемуся по преимуществу въ Москвѣ. Строгія мѣры Никона противъ этихъ *нѣкоторыхъ* усилили ихъ личное неудовольствіе къ нему и дали ему форму возстанія не только противъ Патріарха, но и противъ его святаго дѣла, — исправленія книжнаго, которое даже само по себѣ могло не нравиться многимъ. Заточеніе Никономъ непокорныхъ по разнымъ мѣстамъ Россіи дало случай разлиться злу широко и далеко, особенно при посредствѣ общаго нерасположе-

ня къ Никону за его взыскательность. Неблагоразумная мѣра, употребленная Никономъ, при введеніи въ церковное употребленіе новоисправленныхъ книгъ на мѣсто прежнихъ неисправныхъ, взволновала до ропота даже и тѣхъ, кто не видѣлъ отъ него ни добра, ни худа, но слышалъ какимъ либо образомъ проповѣдь Аввакума, или кого либо изъ подобныхъ ему. Бояре, личные враги Никона за то, что онъ, справедливо пользуясь близостию къ Царю, не всегда осторожно прилагалъ къ нимъ эту близость, довершили остальное. По ихъ проискамъ и интригамъ, Никонъ лишается любви Царя, оставляетъ столицу, которая немедленно наводняется врагами его — расколуучителями, начавшими свободно переводить свою личную неприязнь къ Патріарху въ чужія души, заподозрѣвается даже народомъ въ своемъ православіи, — является расколъ, какъ средство въ рукахъ враговъ Патріарха погубить его, какъ необходимый продуктъ той закулисной механики, которую вели бояре для этой цѣли. Алексѣй Михалойвичъ, растерявшійся до неспособности владѣть собою и своими рѣшеніями въ этомъ водоворотѣ страстей, противъ воли, нанесъ послѣдній ударъ Никону, рѣшившись на осужденіе его, — и расколъ, не сдерживаемый болѣе мощною рукою Никона, пошелъ открытою дорогою повсюду, и даже достигъ XIX столѣтія. Вотъ краткій очеркъ того пути, которымъ воспользовался «завистливый врагъ,» чтобы «всѣять на плодovitой нивѣ нашей православной державы куколь душевредный — душепагубные расколы (1)», — и тѣхъ извилинъ, по которымъ расколъ, если можно выразиться такъ, шелъ съ минуты рожденія своего до возмужалости. А теперь не трудно уже видѣть, какая доля вины въ появленіи раскола при-

(1) Доп. къ Акт. Ист. V, стр. 443.

надлежитъ каждому изъ тѣхъ лицъ, при которыхъ онъ возникъ. П. Никонъ стоитъ въ этомъ случаѣ на первомъ планѣ. Но онъ виновенъ на столько, на сколько можетъ быть виновенъ человѣкъ съ самыми прекрасными стремленіями, только не всегда благоразумный въ выборѣ средствъ для своихъ цѣлей, не умѣющій приспособляться ни ко времени, въ которое живетъ, ни къ лицамъ, которыми окруженъ, ни къ обстоятельствамъ, въ которыхъ поставленъ, и отъ того часто вынужденный видѣть самыя дурныя слѣдствія отъ выполненія своихъ самыхъ добрыхъ намѣреній. Если мы при этомъ припомнимъ то обстоятельство, что Никонъ, какъ бы чувствуя свою неспособность быть общественнымъ дѣятелемъ, особенно въ ту эпоху, которая выпала на его долю, до упорства отказывался отъ патріаршаго престола и, только въ слѣдствіе клятвы Царя и народа — быть послушными ему во всемъ, принялъ въ свои руки жезлъ святителя Петра, — съ другой стороны, если обратимъ вниманіе на тѣ невыразимо-тяжелыя страданія, какія пещъ этотъ вѣрный своимъ обязанностямъ мужъ, сперва при видѣ безпорядковъ, какіе существовали тогда и въ духовенствѣ и во всемъ обществѣ, потомъ — при неудачѣ въ своихъ предпріятіяхъ, когда благія намѣренія его не только не вели ни къ чему доброму, напротивъ дѣлались источникомъ новыхъ золъ, затѣмъ — по пронскамъ враговъ, которые, какъ мы видѣли, въ своихъ козняхъ противъ Никона были находчивы до изобрѣтательности, разнообразны до неистощимости и коварны до злости, далѣе — отъ немилости и гнѣва Царя-друга, лишившаго любимца своего престола и заточившаго его, какъ бы перваго врага, до тѣсноты и скорби по самую смерть, — наконецъ, если обратимъ вниманіе на страданія Никона даже по смерти, потому что, скажемъ

словами преосв. Игнатія (1), мнимое старообрядство искаженіемъ лица Никонова сдѣлало страшилище, которое кошмаромъ давить цѣлые миллионы людей, и притомъ не во снѣ, а на яву, не годъ и не десять лѣтъ, а вотъ уже скоро два столѣтія: то думаемъ, что не погрѣшимъ противъ справедливости, если, не смотря на всѣ ошибки Никона, отнесемъ съ полнымъ сочувствіемъ къ этому замѣчательнѣйшему человѣку и отъ души пожалѣемъ о его злополучной судьбѣ,—тѣмъ болѣе, что всѣ ошибки Никона были *только грѣхами невѣднія*. Да, пусть въ чемъ другомъ осуждаютъ Никона,—пусть указываютъ на его строгость, вспыльчивость, раздражительность и другіе недостатки, пусть глумятся надъ его плохимъ знаніемъ еврейскаго, греческаго и латинскаго языковъ и даже будто бы — богословскихъ наукъ (2),—вольному—воля; но было бы въ высшей степени не справедливо заподозрѣвать Никона въ *неблагодѣтельность*. Нѣтъ—это былъ «пастырь добрый и вѣрный души» (3), — невинный голубь, хотя и безъ мудрости зміи.

Не тѣми чувствами наполняется душа при мысли о другихъ лицахъ, прямо или косвенно содѣйствовавшихъ появленію и усиленію раскола, каковы были Иосифовскіе справщики книгъ и бояре. Аввакумъ и его сотоварищи первые положили начало раздѣленію церковному, когда возстали сами противъ начатаго п. Никономъ книжнаго исправленія и огласили предъ другими его мнимыя заблужденія и ереси. Они же всего болѣе помогали и распространенію раскола своею устною и письменною проповѣдію сперва въ Москвѣ, а за тѣмъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи. На нихъ поэтому, какъ на «начальниковъ

(1) Истор. о ересяхъ и расколахъ стр. 160.

(2) Ист. Царств. Алексѣя Михайловича—Берха, ч. 1, стр. 220.

(3) Церк. Ист. м. Плат: II, стр. 241.

воинства» раскольниковскаго, по сознанию самихъ старо-
 обрядцевъ, по преимуществу и должно бы пасть осужде-
 ніе за то зло, какое принесло святой церкви отдѣле-
 ніе отъ ней извѣстнаго числа вѣрующихъ, и за гибель
 душъ отдѣлившихся, — *если бы мы были несомненно уп-
 ремы, что эти люди дѣйствовали только подъ вліяніемъ
 своихъ страстей и личной неприязни къ Патріарху. Но
 кто вѣсть отъ человѣкъ, яже въ человѣцѣ, точію душъ
 челоуька, живущій въ немъ* (1 Кор. 2, 11)? Правда, какъ
 мы выше показали, есть причины и основанія для по-
 добной увѣренности; но, какъ тоже замѣчали мы, нельзя
 не видѣть въ дѣйствіяхъ Іосифовскихъ справщиковъ и
 другаго начала, скрывавшагося въ ихъ убѣжденіяхъ и
 вѣрованіяхъ, хотя и ошибочныхъ. Трудно опредѣлить
 степень участія того и другаго начала, а этимъ самымъ
 затрудняется и рѣшительный приговоръ надъ указанными
 лицами, хотя не можемъ не замѣтить, что зло, совер-
 шенное ими, очень велико. Участіе бояръ въ дѣлѣ рас-
 кола было не прямое, а косвенное. Они только раздру-
 жили Царя съ Патріархомъ, лишили послѣдняго возмож-
 ности вести дѣло книжнаго исправленія свободно и, мо-
 жетъ быть, съ меньшими ошибками, унизили Никона въ
 глазахъ народа клеветою на мнимое его еретичество и,
 заключивъ союзъ съ расколоучителями, дали имъ средства
 дѣйствовать съ болѣшею свободою. Не смотря однакожъ
 на все это, бояре предъ судомъ правды безотвѣтно ви-
 новны. Это потому, что всѣ дѣйствія ихъ имѣли источ-
 никомъ своимъ единственно самое мелкое самолюбіе и
 самый низкій эгоизмъ, а между тѣмъ бояре знали, или
 по крайней мѣрѣ должны были знать, что, возставая про-
 тивъ Никона, они вредили самой святой церкви, — спасая
 свои вельможныя права, губили невинныя души другихъ.

Предполагать въ извиненіе боярамъ, что и сами они могли сочувствовать мыслямъ раскола, мы не смѣемъ ⁽¹⁾, зная, что лишь только Никонъ былъ осужденъ, союзъ бояръ съ расколомъ прекратился, и они стали величать раскольниковъ не иначе, какъ «мятежниками православныя російскія церкви, лестными ученми своими погубившими многія души ⁽²⁾». При чтеніи этихъ словъ невольно вѣришь Богдану Хмѣльницкому, который говорилъ, что отъ бояръ-современниковъ Никона нельзя было и ожидать «ничего путнаго» ⁽³⁾. Что касается Алексѣя Михайловича, то объ немъ уже была рѣчь прежде.

Такимъ образомъ никто изъ главныхъ и болѣе видныхъ дѣятелей церковныхъ и гражданскихъ въ началѣ второй половины XVII вѣка не свободенъ отъ упрека въ дѣлѣ раскола, хотя каждому принадлежитъ своя доля вины. Невиновенъ былъ въ этомъ дѣлѣ, по нашему мнѣнію, одинъ только народъ. Онъ былъ обманутъ и введенъ въ заблужденіе лицами вліятельными, а между тѣмъ на его-то долю и выпали тѣ многочисленныя страданія, съ которыми соединено въ каждомъ государствѣ отдѣленіе отъ господствующей церкви людей заблуждающихъ.

И. Нильскій.

(1) Хотя не отвергаемъ, что и нѣкоторые изъ бояръ были заражены расколомъ, только не Милославскіе, не Одоевскіе, не Трубецкіе и под. главные враги Никона (Ист. Р. Церк. преосв. Филар. IV, стр. 38).

(2) Древн. Росс. Вивлиоэ. ч. III, 404; снес. Русс. Раск. Старооб.—Щапова, стр. 339.

(3) Ист. Р. Церк. преосв. Филар. IV, стр. 41.